

Кирилл Берендеев

Предел приближения

Кирилл Берендеев

Предел приближения

«Издательские решения»

Берендеев К.

Предел приближения / К. Берендеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963875-5

Даже у самой большой любви существуют границы. Невозможно без остатка слиться с любимым человеком, раствориться в нем — это приведет лишь к порабощению души и, скорее всего, ее поспешному бегству. О совершенном слиянии можно лишь мечтать и помнить, что у всякого, пусть и возвышенного чувства существует предел приближения к источнику благодати.

ISBN 978-5-44-963875-5

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Поводок	8
Невеста	14
Кто знает?	20
Девчонка	26
Мокасины	32
Предел приближения	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предел приближения

Кирилл Берендеев

Корректор Светлана Тулина

Корректор Александр Барсуков

© Кирилл Берендеев, 2019

ISBN 978-5-4496-3875-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Жанр любовной прозы при всей кажущейся его простоте, невероятно сложен, но и в то же время ярк и точен, он не терпит промашек. Достаточно одной фальшивой фразы, предложения, оборота, и прежде литой текст рассыпается, обнажая иссохший скелет пустого повествования, которое, как в обертку фантика, запрятывается в красочные эффектные аллюзии, гиперболы, образы и сравнения. Невозможно трудно тягаться с образчиками высокого стиля – как тут ни вспомнить «Темные аллеи» Бунина или «Навыи чары» Сологуба. Но тема всегда будоражила и еще долго не даст покоя литераторам. Любовь и смерть – две стороны одной монеты жизни, две линии судьбы, два лика бога, можно по-разному называть это сочетание, но оно, никогда не оставит человека равнодушным. Года уходят, века проскальзывают сквозь пальцы, тысячелетия мелькают, точно верстовые столбы, а жажда высказаться на такую, казалось бы, заезженную изначально тему не проходит. Не пройдет, думается, покуда в мире существуют люди, те, кто осмеливается бросить вызов и любви и смерти, им обоим, ведь и та и другая во многих мифах – прекраснейшая из богинь. А что становится с бросившими вызов, о том повествуют другие легенды и сказания. Старые, новые, говорящие простым языком или горным, все они – плод искренних, истовых, не знающих пощады переживаний автора, пытающегося передать частицу себя, познавшего нечто непостижимое и этим жаждущего поделиться с миром, рассказать – насколько возможно. Не всегда удается, но эта танталова жажда, она поистине не знает пощады. И не проходит это желание поделиться сокровенной тайной, особенно, после того, как она перекипела в сердце, ушла в прошлое, пережила, оставив после себя заметный рубец, не только самому, но и, подчас, окружающим. Эдакую печать особенности, о которой порой горько, порой невыносимо приятно припоминать. Печать, вроде бы схожую с другими, но все равно заведомо отличную от всех остальных. Иначе что литература, что сказительство – все окончилось бы «Илиадой» и «Одиссеей» – ведь этими произведениями еще двадцать восемь веков назад сказано было все. И тем не менее...

Свои скромные тексты вношу на общий суд и я. Их набралось не так и много, за двадцать с хвостиком лет писания, вот эта нетолстая книга. Однако, в каждом произведении я постарался оставить ту частицу души, о которой спустя годы или десятилетия, всякий раз по-разному, стало возможным поговорить с глазу на глаз с читателями. Возможно даже отстранившись, хотя бы на шаг. Хотя даже я мало верю в это. Может, поэтому продолжаю писать и возвращаться к собственным по-прежнему будоражащим воспоминаниям, столь памятным, столь странно притягательным.

Эти частицы души я и предлагаю на ваш суд, читатель. Собранные из разных лет, как из разных эпох – они составляют мою суть и мозаикой разбрасываются по книге. Вам осталось только сложить их воедино.

*Искренне ваш,
Кирилл Берендеев*

Иллюстрация на обложке: Вильям Адольф Бугро «Амур и Психея»

Вильям Адольф Бугро «Амур и Психея»

Поводок

Мужчина сидел за столиком кафе очень давно. Часа два назад он заказал чашку кофе и вечернюю газету; тут же и рассчитался. Намек я понял и не трогал его, а он все сидел, закутавшись в маркий бежевый плащ, подняв воротник от начинающего накрапывать дождика, сидел, не двигаясь с места. На столике лежала увядающая темно бордовая роза, покрытая мелкими бусинами дождя, а подле нее, словно второй бутон, – пластмассовая коробочка, раскрытая. Проходя мимо, я мельком заглянул в ее бархатное чрево, и в последних отсветах скрывавшегося за тучами солнца, зеленым глазом мне блеснул хризопраз, в оправе из переплетенных золотых волосков.

Мужчина ждал, не глядя на часы. Получив заказ, он принялся было читать газету, но скоро бросил, и внезапный порыв ветра смахнул вечерний выпуск со стола, загнал к ограде, отделявшей столики кафе от тротуара, да и оставил там. Когда дождь усилился, я все же решился обеспокоить мужчину и предложил ему пересесть в кафе, у окна, но он решительно с нажимом, отказался. Глаза его продолжали смотреть в конец улицы, сквозь меня, и не выражали ничего, кроме бесконечного терпения.

Дождь внезапно превратился в настоящий ливень, прогнав последних посетителей. Началась гроза. Меня позвали из кафе, спеша уйти, кто-то хотел рассчитаться. Когда я вернулся, мужчины за столом уже не было. Только увядающая темно бордовая роза, с которой начали опадать лепестки, и раскрытая коробочка с перстеньком остались лежать на прежнем месте.

Я выбежал на тротуар, но молчаливого посетителя нигде не было видно, он ушел незамеченным, точно растворился в белесой пелене начавшегося дождя.

Сжимая коробочку в руке, я вернулся в кафе, спрятал ее под стойку, надеясь, что он не сегодня-завтра спохватится и вернется за своим дорогим подарком. Хотя и не очень-то верил в это.

Розу я выбросил, когда заносил в кафе стулья с улицы. Она осыпалась в моих руках, пока я шел до мусорного ведра, за мной протянулся след облетевших лепестков. Несколько минут, и он был смыт холодным ливнем, истоиво барабанившим по асфальту тротуара и брусчатке улиц.

Тем вечером я закрывал кафе позже обычного; запирали двери и, сам не зная, отчего, пристально вглядывался в сумрак приближающейся ночи. А наутро, едва я открылся, мне нанесли визит. Но совсем не тот, кого я так ждал увидеть.

Спортивный «бугатти» ярко зеленого цвета, блестящий, в лучах медленно карабкающегося к зениту светила, подъехал к столикам и остановился: дорогая игрушка в пустой еще детской. Мотор заглух, с водительского сиденья на каменную мостовую сошла владелица автомобиля, небрежно закрыла дверцу и решительно направилась к дверям кафе. На ходу определив в средних лет мужчине, застывшем у окна, его хозяина.

Она подошла и сразу же осведомилась у меня о посетителе, безнадежно ждавшем ее вчера. Быстро обрисовав его, владелица «бугатти», замерла, ожидая ответа. С которым, признаться, я невольно замедлил, пристально разглядывая подошедшую девушку и оттого плохо слушая ее.

На вид ей было около двадцати пяти. Стройная светловолосая, с тонкими чертами лица, лишь чуть помеченными косметикой. Немного пухлые губы и ярко-голубые глаза, взгляд которых пронзительный, проникающий как будто сквозь собеседника – быть может, по причине тщательно скрываемой ото всех легкой близорукости – приковывал все внимание, отвлекая и от произносимых ей слов и от созерцания фигуры, чьи достоинства были продумано осторожно, но и с уверенностью обрисованы бежевой жакеткой и узкой юбкой, скрывавшей по-гречески соразмерные ноги и, предоставляя возможность любоваться ими, в воображении дописывая сокровенное. Бархатные туфли-лодочки и легкий запах духов завершали композицию.

Носком левой туфли девушка звонко стукнула по кафельной плитке. Я вздрогнул и поднял глаза. И смущенный, ответил ей: да, действительно, мужчина, что описала она, приходил вчера и ждал, очень долго ждал, и ушел, не дождавшись, оставив принесенные подарки – розу и перстенок.

– Я не смогла вчера придти, – сказала она, но в словах ее я не уловил, как ни старался, нотки сожаления, девушка просто констатировала факт. – Жаль, что все так вышло. Вы не знаете, он просил мне что-нибудь передать?

– По всей видимости то, что оставил на столике, – я прошел за стойку и вынул из нижнего ящика коробочку с перстнем. – К сожалению, роза увяла, я выбросил ее.

Она протянула руку и открыла коробочку. Минуту любовалась перстеньком, затем примерила.

– Он на безымянный палец, – зачем-то сказал я. Она кивнула, улыбнувшись едва заметно, уголками губ.

– Я не очень люблю, когда мне дарят цветы. Потом не знаешь, что с ними делать, особенно когда отправляешься в ресторан или кафе, – она положила перстень обратно в коробочку. – Простите, я могу это взять?

– Да, ведь перстень изначально предназначался вам.

– Тогда я надену его в другой раз. Когда мне будет грустно, и я стану перебирать драгоценности в поисках утешения. Вы знаете, камни как-то отвлекают от всего настоящего... сегодняшнего.

– Сиюминутного, – добавил я, надеясь, что угадал. Но девушка покачала головой.

– От того, что есть. Они возвращают в то прошлое, которое хотелось бы иметь. Перебирая их, вспоминаешь только то, что хочется вспомнить, самые приятные картинки прошлого. И тебе кажется, что так было всегда. И что люди, дарившие эти побрякушки, стоившие все или ничего, были совсем другими людьми, именно такими, которыми ты хотел бы их представить.

– Так именно поэтому вы не пришли вчера? – она вздохнула.

– Вы правы, именно поэтому.

– Но он ждал. Почему бы вам было просто не отменить свидание? Не позвонить в кафе, вы же могли узнать мой номер в справочнике.

Девушка смотрела непонимающе. Я устало покачал головой.

– Он же ждал вас. Почти весь день.

– Вы не поймете, – она резко прервала меня. – Он бы и так меня ждал, даже отмени я свидание. Не в кафе, так у себя дома. Не дома, так где-то еще – у подъезда гостиницы, в вестибюле, у двери номера. Он всегда ждет, он не может иначе.

– Значит, вы с самого начала не хотели встречаться. Но он же приготовил вам подарок.

– Окончательный и бесповоротный. Я не могу принять такой. Я... – она запнулась, – просто не готова к нему. И к подарку и... к дарителю тоже.

– Мне показалось, он очень любит вас.

– Любит? – она неожиданно рассмеялась. – Не знаю. Если такое для него вообще возможно. Он не из тех людей, что способны испытывать страсть, чтобы сгорать в неутоленных желаниях, чтобы дарить их кому бы то ни было... Вот ждать, да, ждать он умеет превосходно. Это, в самом деле, редкое качество, особенно в мужчине, и если ценить в нем что-то, то, прежде всего, именно это умение терпеливо, час за часом, день за днем, ждать, отрешившись от всего мира. Просто ждать. Даже когда это почти не имеет смысла.

– Почти? – переспросил я. Она кивнула. И добавила, другим, чуть дрогнувшим голосом.

– Я не могу отрицать, что он мне нравится. Самую чуточку, – она свела указательный и большой пальцы и прежним тоном добавила. – Вот столько.

– Потому что умеет ждать.

– Не только поэтому. Он умеет дарить подарки, обставляя каждый из них некоей мизансценой, делать комплименты, а ныне это редкое качество, поддерживать беседу, о чем бы она ни велась. Он умеет быть милым и обходительным, или напротив, настойчивым, но в рамках тех чувств, что способен испытывать. В светской обстановке это очень смотрится. – она улыбнулась. – Кое-кто его всерьез считает бонвиваном, чей взгляд, нет, чье слово, способно заставить затрепетать не одно женское сердечко.

– А кто он?

– Человек, – ответила девушка и снова рассмеялась. – Вы так спрашиваете, словно хотите узнать о нас все, – и не дав слова молвить, продолжила, – Он специалист по антиквариату. Любитель аквариумных рыбок: дома у него их превеликое множество, даже на работе с десятков гуппи, он говорит, что рыбы это те существа, которые способны ужиться в любом предложенном им мирке в гармонии с собой и с соседями по аквариуму, если это будут соседи одного вида. И внешний мир их не волнует вовсе, по крайней мере до тех пор, пока не прекращается подкормка. Впрочем, в любом случае они не способны ничего изменить, как не способны измениться сами. Они такие, какие есть.

– Вы тоже, – я всерьез добавил, – такая, какая есть.

– Я и не скрываю этого. Напротив. Если бы не приведенная мной ода рыбкам, имевшая некоторые последствия и для меня, наше знакомство с вами не состоялось бы.

– Можно сказать, он привязан к вам, – заметил я, возвращая разговор на прежнюю тему.

– Я стала частью его обширной коллекции, – она хитро улыбнулась. – Вы правильно сказали, это не любовь – привязанность. Ему нравится быть со мной, вернее, наблюдать за мной, ему интересно, что я говорю и делаю, интересно хотя бы потому, что я не такая... Одним словом, редкие вещи ему нравятся, – закончила она неожиданно.

– Значит, вы так себя оцениваете?

– Так он оценивает меня. А я, – снова эта улыбка, – всего лишь повторяю его слова.

– Не без оснований, надо полагать.

– Вы правы... Извините, что я это говорю, но... меня не покидают сомнения. Вы в самом деле обслуживаете посетителей этого кафе или занимаете иную должность. Скажем, детектива. Я тряхнул головой, невольно поддавшись ее улыбке.

– Почему вы так решили? – отсмеявшись, спросил я. – Оттого, что я задаю точные вопросы?

– Вот вы и сами себе ответили. А еще уверяете меня, что кафе принадлежит вам и вы...

– Кафе принадлежит мне. Мы с женой владеем им почти десять лет; думаю, за такой срок можно не только научиться быстро готовить кофе и подавать пирожки, но и, благодаря множеству разыгрываемых в кафе сценок и разнообразию участвующих в них персонажах, овладеть хотя бы элементарными основами психологии. Так что вовсе не умные книжки стали причиной того, что я спрашиваю так, чтобы получить ответ.

– Вы меня разочаровали. Вы прямо-таки старательно разрушаете всякую интригу вокруг себя. Только я подумала о вас нечто потрясающее, как вы немедленно все испортили.

– И оказались простым владельцем кафе, да еще и женатым.

Девушка задорно рассмеялась.

– Вот именно поэтому мы с вами все еще разговариваем, а не разошлись, каждый по своим неотложным делам. Право же, вы очень редкий человек, с вами общаться можно междометиями – вы и тогда будете все понимать.

– Стараюсь. Воля посетителя говорить, как ему вздумается, а моя задача – понять его намерения. А не то, что он пытается сказать. Иной раз приходится слушать между его слов.

– Как между строк. Нет, в вас определенно есть такое... не знаю, как сказать. И все это вы скрываете ото всех за семью печатями под маской простого представителя сферы массового обслуживания.

– Но и вы тоже не открытая книга.

– Ну что вы! Где мне до вас. Вот вчерашний антиквар, он – да, его можно читать даже близорукому человеку, – на какое-то время девушка умолкла и как-то по-детски непосредственно принялась ковырять носком туфли кафельный пол. Воспоминание, ожившее в памяти, было не столь беззаботно, как прежняя наша словесная пикировка. Немного помолчав, она произнесла потускневшим голосом: – Наверное, это основная причина, по которой я стараюсь не искать частых встреч с ним, предпочитая короткие, ни к чему не обязывающие randevu на людях. Я... – она неожиданно взглянула мне прямо в глаза и я поспешно отвел взгляд, – я не очень хочу быть похожей на него. Вы ведь знаете, что при долгом знакомстве, при близких отношениях люди становятся постепенно похожими друг на друга. А я...

– Да, вы другая, – с той же серьезностью ответил я. – Вы совсем другая. Скажите, если это не ваша тайна, откуда вы и как попали в наш город?

– Неужели так заметно, что я нездешняя?

– Нет, нет, просто городок наш не такой большой, чтобы нельзя было бы заметить в нем вас.

– А я другая, – губы сложились в грустную улыбку. – Вы правы. Я приехала с месяц назад, издалека. Живу в одном мегаполисе, не так уж и важно в каком именно, а когда выпадает свободное время, когда наступает весна, я стараюсь покинуть его, отправляюсь в путешествие по городам и весям нашей необъятной страны.

– Вы счастливы, коли имеете такую возможность для путешествий, – заметил я.

– Возможно. Я езжу по миру на этой машине, останавливаясь именно в маленьких городках, отчего-то я очень люблю маленькие городки, живу в них с неделю или больше, а затем спешу куда-нибудь дальше. И только когда приходит глубокая осень, я возвращаюсь домой. И нетерпеливо жду конца зимы и первых теплых весенних дней, жду, когда сойдет снег, и земля покроется робкими цветками мать-и-мачехи. Все это время, чтобы не думать о зиме, я работаю, полностью загружаю себя работой, чтобы уставать и, не замечая ничего двигаться по заданному маршруту: постель – утренний кофе – работа – ужин – постель. Так мне проще, так не думается ни о том, что на улице глубокий снег, что дороги замело, что дни стали коротки и сумрачны, а ночи бесконечны, что весь мир погрузился в ледяное оцепенение. Но едва только приходит весна, мир освобождается из плена, а вместе с ним свободной становлюсь и я, и тогда я вольна покинуть мегаполис, в котором живу пять холодных месяцев в году, мной именуемые зимою, и отправляюсь в странствие.

– И давно вы так путешествуете?

– Четыре года. Столько, сколько у меня эта машина. Можно сказать, что именно она позвала меня когда-то первый раз покинуть мой город и искать других городов.

– И знакомств?

– Вы не правы. Вы напрасно на это намекаете, со мной подобное впервые. Я...я никогда не завожу романы на стороне, чтобы, случись что, сразу все бросить и кинуться в другой город, в котором может случиться иначе, а может повториться та же история. – голос ее сел от волнения. – Вы же сами заметили, что я другая.

– Простите, – я не знал, что сказать. – Я действительно свалил дурака. Ляпнул, не подумав. Все же владельцу кафе привычно слушать именно такие истории.

– Да, наверное, – девушка вернула грустную улыбку, чуть приподняв уголки губ. Лицо ее немного порозовело. – Теперь я уже не могу сомневаться в вашей профессии. Ошибившись, вы доказали, что на самом деле тот, за кого себя выдаете. Жаль, конечно, – неожиданно добавила она.

– Пропала интрига?

– Просто вы стали похожи на обычного человека. Извините.

– Вам не за что извиняться. Наверное, я таков и есть на самом деле. Просто, как вы говорите, скрываю это.

Но девушка покачала головой.

– Нет, все же вы другой. Не наговаривайте на себя. Может, вы когда-то и были обычным человеком – простым владельцем маленького придорожного кафе, но с годами вы изменились. Ведь все меняется с годами, не так ли? Изменяюсь и я, изменяюсь, от этого никуда не денешься.

– Что вы хотите сказать? Простите, что задаю столь банальный вопрос.

– Вы знаете, в банальности иногда может скрываться своя, незримая привлекательность. Я поняла это, когда встретила с тем человеком, что ждал меня весь вчерашний день.

– Из банальностей состоит наш мир, как ни банально это звучит.

– Да, – девушка тряхнула золотыми локонами, – мир банален по сути своей, банально именно устройство его. Ведь, если вдуматься, и «Джоконда», и разбитый кирпич, и моя машина состоят из одних и тех же элементарных частиц, только выстроившихся в разные цепочки, иначе связующихся друг с другом, в ином количестве. Чем человек отличается от обезьяны – на самом-то деле – одним процентом своего генетического кода. Так что неизменность основ естественна, она похожа на старый прочный фундамент, на котором всякий может построить свой собственный дом. За тысячи лет своего существования человек не придумал ничего нового в области социальных отношений. Десять заповедей так же актуальны сейчас, как и во времена оны. И так же... почти невыполнимы. Мы, такие разные, становимся на удивление схожи, когда речь заходит о таких банальных, привычных уху вещах, как семья, любовь, дружба. Мы меняемся лишь внешне, из века в век мы совершаем одни и те же ошибки, оступаемся именно так и именно там, как и где до нас оступались бесчисленные поколения наших пращуров. И будем оступаться, пока не набьем те же шишки, необходимые для постижения простых истин на своем, именно своем, а не чужом опыте, и лишь набив их, согласимся с тем мироустройством, против которого пытались возражать. На этом держится мир. Каждое новое поколение, взрослея, стремится избежать воздвигнутого здания умозаключений поколения уходящего, жаждающая свободы от них и построения своего собственного нравственного кодекса, в котором найдется уголок всем соблазнам и прихотям, а затем, поколение это остановится в поисках, нарождает детей и тихо вернется в старую гавань.

– Как блудный сын ко всепрощающим родителям, – тихо сказал я. Девушка кивнула. – Что же, у каждого свой поводок. Кого-то он отпустит дальше, кого-то ближе, но все равно придется вернуться.

Я замолчал на полуслове. Мои слова больно укололи ее.

– Вы говорите слишком... точно, – сказала она. – И о поводке, наверное, тоже. Хотя я не чувствую его на себе... пока. Когда-нибудь, конечно, почувствую. Но не сегодня, не завтра.

Она говорила эти фразы через подкативший комок к горлу, с большим трудом выговаривая каждое слово.

– Бывают же исключения, – сказал я. – И мир меняется, будучи неизменным лишь внешне, именно благодаря им, блудным сынам, не вернувшимся к родителям.

– Пока я свободна от этого поводка, – продолжила девушка, не слушая меня. – Пока свободна, – повторила она чуть тише. – Но, если вдруг когда-нибудь я почувствую, что горло сдавило и мне нет сил продолжать путешествие, я вернусь. Сюда. В город, где меня ждут, единственный город на этой планете, где, я знаю, меня ждут и будут ждать с удивительным терпением и постоянством, к которому я не готова еще.

– Значит, вы уедете, – произнес я. Спокойно, почти безразлично, но с внутренней дрожью, которую, по счастью, не выдал голос. Она склонила голову.

– Уеду. Не вините меня, пожалуйста.

– Я не виню вас, напротив. Я... – невольный вздох, – просто завидую вам. Как завидуют все отцы своим детям, у которых еще есть все возможности совершать их ошибки безнака-

занно. Я завидую вашей молодости, вашему жизнелюбию, вашей свободе. Мой поводок уже давно приковал меня.

- Но вы все же сопротивляетесь ему, – сказала девушка.
- Стараюсь, – я улыбнулся. – По мере сил. А иначе нельзя.
- Можно, – она покачала головой.
- Нет, – я догадался. – А иначе... разве стал бы он ждать вас весь вчерашний день.
- Значит... значит, я его еще плохо знаю.
- Наверное.

Девушка убрала коробочку с перстеньком, которую до сей поры держала в руках и вышла из кафе. Я последовал за ней. Проводил до автомобиля – она пожала мне руку на прощание, прежде чем скрыться в тонированной полутьме салона – и долго смотрел вслед удаляющейся машине, не торопившейся скрыться за поворотом.

В тот же день девушка покинула наш городок. В гостинице, где она останавливалась, мой вопрос вызвал лишь пожатие плеч: никто не знал дальнейшего пути следования их постоялицы, она не давала никаких распоряжений на этот счет; не знаю, может, оно и к лучшему.

С того дня прошло уже три месяца, но она по-прежнему колесит по свету. И не дает о себе знать, ни мне, ни антиквару, тому самому, что ждал ее как-то весь день. Вечером того памятного дня он все же зашел в кафе, перед самым закрытием: спрашивал девушку, но ни словом не помянул об оставленном подарке. Я коротко пересказал происшедший меж нами разговор, он молча слушал, изредка кивал, соглашаясь, и на прощание сказал, вроде бы спокойно, только глаза блеснули: «наверное, она права, что поступила именно так; я буду ждать ее здесь, если вы не возражаете». Я только кивнул в ответ на его просьбу.

Постепенно мы сошлись накоротке: антиквар каждый вечер неизменно заходит в кафе, выпивает чашечку кофе, рассказывает о работе, о своих аквариумных рыбках, и ни словом не упоминает о той, ради которой приходит сюда. Только глаза по-прежнему выдают сокровенные мысли.

За все эти три месяца он не изменил раз установленной привычке заходить в мое кафе и вряд ли изменит. Он ждет, будет ждать, сколько бы не потребовалось на то времени, и прошедшие месяцы для него малая толика терпеливого ожидания, первый шаг, за которым неизбежно последуют и другие, которые надо прожить – пройти этот путь в тысячу раз без остатка и увидеть знакомый автомобиль, подъехавший к столикам кафе, он почему-то уверен, что она непременно приедет сюда: «вы, должно быть, так хорошо с ней говорили тогда, она первым навестит именно вас», – и услышать знакомый голос задорно приветствующий притихший городок и его жителей... и его в том числе, означающий, что неутомимая путешественница, наконец, вернулась.

Когда он уходит, я еще долгое время не закрываю кафе, просто стою с ключами на пороге, словно чего-то жду и затем, опомнившись, запираю дверь. И неторопливо возвращаюсь домой, вдыхая остывающий воздух жаркого летнего дня, частенько при этом припоминая тот единственный разговор с девушкой, вспоминаю так, словно он произошел несколько часов назад. И в такие минуты мне, как ни прискорбно, очень хочется, чтобы ее нескончаемое путешествие еще продолжалось.

Невеста

Я не виделся с ней шесть лет. И вот встретил – в пригородной электричке, спешащей по короткому маршруту.

Была осень, и был вечер субботы. Жесткие деревянные сиденья пустовали, в ярко освещенном вагоне я увидел лишь одного человека, девушку, чье лицо обратилось к распахнутой мной двери. Я не мог не узнать ее и шагнул навстречу.

Но она не увидела меня. Ее глаза сосредоточенно созерцали неведомые дали, и не существовало для них ни пустого вагона, ни подступившей к самым окнам колкой октябрьской ночи, ни откатившейся с металлическим позвякиванием двери.

Я подошел и сел напротив. И только тогда она, вздрогнув, заметила меня. Улыбнулась и отвернула лицо, пряча его в вороте пальто. В одиночестве пустого вагона она плакала, разглядывая картины своего сознания. Но пришел я, и ей потребовалось усилие, чтобы вернуться, заперев все картины на прочный замок.

– Привет, – сказал я, и она улыбнулась. Улыбка ее была неуместной и оттого погасла, едва она достала платок. А когда отняла его и, аккуратно сложив, убрала в карман блузки, лицо изменилось, став совсем иным, нежели то, заплаканное, которое видел я, войдя в вагон, и то, встревожено улыбающееся, которым она приветствовала подсевшего незнакомца.

– Я не помешал? – спросил я, и она покачала головой.

– Нет, совсем нет, – первые слова, произнесенные ей за прошедшие годы и за время нашей встречи. И окончательно возвратившись в реальность, произнесла: – Мы давно не виделись. Лет шесть, наверное.

Я кивнул.

– Как ты сейчас?

Я стал рассказывать ей, зачем-то подробно. А она... кажется, вовсе не понимала меня. Внимательно вслушиваясь в произносимые мной слова, она пропускала их сквозь себя, будто ждала услышать что-то, что, как показалось мне, вернуло бы ее назад. Но вернуло бы иной. Какой? – знала ли она сама?

Наконец, перебила. Сказала странное:

– Я, наверное, очень изменилась за эти шесть лет.

Я не знал, что ответить. Она продолжила:

– Нет, я, в самом деле, изменилась. Сильно. Шесть лет – немалый срок, ты просто не заметил еще. Или забыл.

– Прости, я...

– Нет, нет, ничего. Так и должно быть, наверное. Это... скорее, внутреннее изменение, – она замолчала и продолжила после долгой паузы. – Вот видишь, я стала ездить в электричке поздним вечером. Одна.

– Ты куда сейчас?

– Домой. Теперь мы с мамой живем за городом. Тут недалеко, осталось три станции. Наш дом по соседству с дорогой, пять минут пешком, – ее глаза затуманились. – Мама, должно быть, волнуется. Сидит на веранде и ждет. У нас хорошо слышны проходящие поезда. Мама научилась их легко различать: скорый это, товарняк или электричка. В это время года поезда ходят редко, долго стоит тишина...

Она замолчала. Не то, чтобы неожиданно, но я все ждал каких-то недоговоренных ею слов.

– А почему так поздно? Работа?

Она покачала головой и снова подтвердила:

– Нет. Я... из гостей. От друга, – последнее слово она произнесла едва слышным шепотом.

– И не осталась.... Прости.

– Нет, я и не могла остаться. Мама будет переживать. После того случая, она.... Ох, да ты не знаешь....

Она закрыла рукою рот, словно боялась рассказать ненароком мне о нем.

– Какого случая?

– Это личное, так просто не объяснить, – ее взгляд испуганно вцепился в меня, глаза сделались круглыми. – Но он всегда провожает меня до вокзала. И... и... всегда. А потом звонит... или я звоню ему. Что все в порядке... Он тоже волнуется.

Ее глаза округлились совершенно, пальцы стали комкать носовой платок, каким-то образом вновь очутившийся в ее руках. Она задышала часто-часто и затем вымолвила, задохнувшись:

– Он любит меня, – и скороговоркой: – И я тоже очень люблю его. Э-это не объяснить... ты просто... мы не виделись шесть лет, ты не поймешь всего. И потом... мы же с тобой... между нами.... Тебе надо все сначала... все заново....

Она произнесла еще раз слово «непонятно» и замолчала. Напряжение, пульсирующее в глазах, покидало ее, она тихонько всхлипнула, но справилась с собой и стала смотреть в окно.

– Мы и в самом деле долго не виделись, – осторожно, как можно мягче начал я. Она вздрогнула. – Мы уже другие...

– Чужие, – эхом повторила она. – Нет, я не...

– Не то, что раньше. Тогда... в институте.... Все правильно, – я хотел возразить, но она покачала головой и продолжила. – Я сама это поняла. Ведь одно дело – учеба и все такое, а другое, совсем другое – собственный выбор, не зависящий от окружающих... от обстоятельств... от места....

Мы долго молчали. Поезд остановился на пустынном полустанке, постоял и снова тронулся в путь. А мы все молчали и смотрели в непроглядную темень за окном.

– Мне тридцать лет, – тихо сказала она. – И у меня должен быть выбор. Я знаю, мама волнуется, когда я вот так сильно задерживаюсь... – и едва слышно: – Но ведь я не могу без него. Что поделать, если он не может оставить меня...

И – одними губами:

– Навсегда.

И тут же, громче, резче:

– Но он тоже не может без меня. Не может. Я знаю.

И снова молчание, только перестук колес, да резкое, на поворотах, хлопанье двери тамбура. Поезд стал замедлять ход, показались огни новой станции. Показались и исчезли, электричка проследовала без остановки. Вновь бухнула дверь тамбура, когда вагоны миновали одну за другой две стрелки.

Она сцепила пальцы и закрыла глаза, плечом привалившись к стенке. Казалось, она дремала. И только подрагивание больших пальцев, то принимавшихся тереть костяшки, то вновь замиравших, выдавало ее беспокойное бодрствование.

Беретка была чуть великовата ей, и когда она устало коснулась виском стены, та стала медленно сползать на глаза. Она зябко поежилась, запахиваясь в короткий, не по сезону легкий, плащ, и открыла глаза.

– Ты куда сейчас? – спросила она. Спросила так, словно прежнего разговора не было, словно она только что увидела меня и решила узнать, долго ли я буду ее попутчиком.

– На дачу.

– Это далеко?

– Нет, – я назвал станцию, она кивнула. И спросила негромко:

– К кому-то?

– От кого-то. Вернее, от кого-нибудь.

– Значит, все еще один.

Я пожал плечами.

– Тебе проще быть одному.

– Я не знаю. Наверное.

– Наверное, – повторила она. – И все же странно.

– Что странно?

– Мы встретились. Случайно. Там, где наши пути не должны были пересечься никогда.

За эти шесть лет мы ни разу не пересекались, хотя жили в одном районе. А тут, когда мы с мамой переехали... – она замолчала. И неожиданно произнесла: – Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем мы встретимся вновь?

– Быть может, столько же, – помолчав, ответил я.

– Или вообще несколько, – и не дав мне ответить, спросила: – Ты сейчас никуда не торопишься?

– Нет. Если ты хочешь, чтобы я проводил тебя...

– Я хочу, чтобы ты зашел к нам. Ненадолго, на час-полтора, самое большее. Просто посидеть, поговорить. Я познакомила бы тебя с мамой. А потом проводила до станции, если хочешь... – новая пауза. – Только я хотела бы просить тебя об одной услуге, если не сможешь, ответь сразу, и я... и мы увидимся еще через шесть лет. Или... – она замолчала.

– Я слушаю тебя.

– Я буду называть тебя другим именем.

– Каким? – спросил я, хотя мог бы не спрашивать.

– Человека, который любит меня. Который не может оставить меня у себя. Который провожает до вокзала каждый раз, когда я бываю у него... каждую субботу и иногда на праздники...

Я молчал.

– Тебе ничего не надо будет говорить: ни о себе, ни обо мне. Просто поддержи мой разговор. Он никогда публично не обнимал и не целовал меня, он сдержан и старомоден, так что твои чувства тоже останутся при тебе. Он совсем другой человек.

– Я понял.

– Вряд ли. Просто прими это. И еще одно – он очень любит меня.

– Хорошо.

Она вздрогнула и напряглась.

– Что хорошо?

– Я согласен. – Поезд стал замедлять ход. – Это твоя станция?

– Да, – она протянула руку. – Пойдем.

Я взял ее под руку. А после недолгого пути, оказались подле невысокого темно-зеленого забора. Она остановилась, открыла калитку и произнесла в темноту сада, порывисто и звонко:

– Мама, это я, – и добавила спустя мгновение, точно застрявший в горле комок проглотив: – Мы пришли.

С крыльца донесся странный скрип, будто что-то покатилося. И я увидел женщину, поседевшую слишком рано для своих лет, кутающуюся в пуховый платок. Она медленно повертывала кресло-каталку в сторону ступенек, сбегавших с крыльца.

– Это моя мама, – шепотом произнесла она. И представила меня новым, непривычным именем, услышав которое, я отчего-то вздрогнул.

– Мама, – продолжила она, – это он. Я тебе говорила о нем.

Мы поздоровались; я склонил голову и пожал протянутую мне тонкую пергаментно сухую руку, в которой явственно, как пойманная в плен бабочка, трепетала жилка пульса.

– Я очень рада вас видеть, – сказала мама. – Жаль, вы раньше не могли к нам зайти. Моя спутница взялась за ручки кресла и покатила его в дом. Я вошел следом.

– Не надо, доча, я сама. Ты проводи лучше своего кавалера в гостиную. А я чай принесу, он только что вскипел, вас дожидается. —И с порога кухоньки мама крикнула, обращаясь ко мне, – Все же, как хорошо, что вы нашли время зайти к нам.

– Раньше не получалось, – произнесла она за меня. – Только сегодня смог вырваться. Мама, он всего на несколько часов, с тобой познакомиться. Я тебе говорила....

– Да, доча, я помню.

– Он не сможет остаться. Так получилось, что сегодняшняя вечер свободен, а потом... – она замолчала, не договорив.

– Я понимаю, – голос, доносившийся из кухни, заметно ослаб. – Жаль, что вы не сможете остаться. Скажите, – мама появилась в дверях кухни с подносом, закрепленном у подлокотника, на нем стояли чашки, заварочный чайник, сахарница. – Скажите, а нельзя ли вам будет как-нибудь отпроситься или, к примеру...

– Мама, я же говорила тебе.

– Я помню, доча, просто...

– Простите, действительно не могу. Рад бы, но... всего на часок и вырвался. Вы уж не обижайтесь, что так получилось, иначе просто не выходит, – скороговоркой выпалил я.

– У него обстоятельства, – добавила она. Мама кивнула, подъехав к столу, стала расставлять чашки. Дочь поспешила помочь.

– Я поставлю, ты лучше принеси варенье из холодильника, я про него совсем забыла. Крыжовенное. Вы любите крыжовенное варенье?

Я кивнул, глядя, как ловко пергаментные руки управляют и с колесами кресла-каталки и, одновременно, с приборами, расставляемыми на столе. Дочь принесла банку варенья, блюдечки, ложечки. Расставив все, подошла ко мне, склонилась, шепнула в самое ухо.

– Это случилось три года назад. Несчастный случай.

Я сидел, замерев.

– Поэтому мы переехали сюда. Сам знаешь, город не приспособлен для кресла-каталки. В городе могут жить только полноценные люди... с возможностями, – ее глаза заблестели.

– Я знаю.

– А здесь мама работает библиотекарем. Тут недалеко, всего четыре дома. Обрати, иной раз, если я задержусь на работе, она добирается сама, – сказала она не без гордости. – Она все хочет делать сама. Как прежде.

– Да вы накладывайте варенье, – пригласила меня мама. – Не стесняйтесь. Доча, принеси салфетки, они в шкафчике. А вы будьте как дома. Вы чай с сахаром пьете?

– Я лучше с вареньем.

Мама улыбнулась.

– Не кисловато на ваш вкус? Я в этом году по особому рецепту делала.

Варенье было великолепным, услышав это от меня, мама не смогла сдержать довольной улыбки. Потом ближе придвинулась к столу и спросила, словно желая, чтобы ее не услышала дочь:

– Должно быть, важная у вас работа. Выходные-то часто бывают?

Мне был подан предостерегающий знак, но я ответил:

– Официально-то да. А в реальности как получится. Я даже сегодня с трудом вырвался. Хотя и суббота.

Обе женщины, и мать, и дочь, улыбнулись, каждая своему. Я отставил в сторону выпитую чашку и огляделся. Скромно, не бедно, а именно скромно; чисто и очень уютно. Если бы не просевшие кое-где полы, не желтые разводы на потолке... Должно быть, я излишне долго смотрел на них, одно из пятен располагалось как раз над моей головой. Мама сказала:

– Дому нужен мужчина. Он не старый, но кое-что требуется. Крышу подлатать, полы перестелить, – и смущенно замолчала, оглядываясь на дочь. Но та, немного растерявшись, не произнесла ни слова. Я опустил глаза.

– Жаль, что вы не останетесь, – безнадежно произнесла мама. Я посмотрел на нее, но, встретив мой взгляд, мама переменяла тему: – Чайку еще не желаете?

Ее дочь налила мне еще и торопливо перевела разговор на новое расписание электричек, утвержденное со следующей недели. Она будет приезжать немного раньше по субботам, на четверть часа. Так что, мама, будешь меньше волноваться.

– А я уже меньше волнуюсь, – спокойно ответила та. И кивнула в мою сторону. Дочь замолчала неожиданно, а потом произнесла отрывисто:

– Он меня будет, как и раньше, до вокзала провожать.

– Хорошо. У вас машина?

– Да, – ответила за меня она. – Новая «тойота».

Мама не сводила с меня взгляда.

– Вы простите, что я вот так интересуюсь, расспрашиваю вас, но вы, должно быть, неплохо получаете, раз машина...

– Вполне, – снова она. – Жаль, что по нашему бездорожью на «тойоте» сюда тяжело добраться. Разве на внедорожнике.

– Да. Это у нас в поселке асфальт, а до поселка... конечно....

Я поежился под пристальным взглядом. Переменял позу и невольно расплескал чай. Она быстро поднялась, вышла в кухню за тряпкой. Вернулась, ловкими движениями рук стала собирать пятно со скатерти.

– Ты маме понравился, я вижу, – шепнула она. – Не обижайся, что она так выпрашивает, это у нее любимое занятие. Переживает за меня, хочется знать, с кем я, как...

– А от вокзала вы далеко живете?

– Полчаса на машине, – ответить мне снова не довелось. – Если на дороге нет пробок.

– Так поздно они вряд ли бывают.

– Уже не бывает, – она откашлялась, голос сел. – Конечно. Мы быстро доезжаем.

– А тихо у вас?

– Под окном небольшая улочка. Но сами окна с тройным стеклопакетом, звуконепроницаемые. Мама, я же говорила тебе про евроремонт, ты помнишь.

– Я о другом. Я в смысле хулиганья какого.

– Нет, – она повысила голос, почти кричала. – Никого нет. Все спокойно.

И разом наступила тишина. Где-то зазвонили часы, отбивая половину двенадцатого.

– Уже поздно, – я поднялся. – Мне, наверное, пора.

– Вы не останетесь...

– Нет, увы, не смогу.

– Домой?

– Обрато в город, – снова ответила она.

– Почти как дежурство, – объяснил я.

– А разве этого... мобильного телефона у вас нет?

Пауза. Она почему-то молчала.

– Есть... – медленно произнес я, – конечно, есть. Но отсюда почти нет сигнала. А порой в этом есть крайняя необходимость.

Мама кивнула устало.

– Да. Я понимаю. Работа это всегда необходимость что-то отдавать, ничего не получая взамен. И деньги редко когда стоят потраченных усилий. Очень редко, – мама смотрела на дочь, поднявшуюся вместе со мной. – Ты проводишь нашего гостя, доча?

– Да, мама. До калитки.

– Возьми фонарик, темно. А вы, – она повернулась ко мне. Скрипнули колесики. – Вы будьте, пожалуйста, осторожнее. А то мало ли что.

– Мама.

– Нет, я так говорю, – мама подвинула ко мне свою коляску. Быстрым движением взяла мою руку в свою, сжала ее и заговорила шепотом: – Берегите себя. Обязательно. Ради нее. И постарайтесь... попробуйте заглядывать к нам почаще.

– Я постараюсь. Обязательно постараюсь.

– Ради нее.

– Да. Ради нее, – и, не выдержав, я отвел взгляд.

Попрощавшись, мы вышли на крыльцо. Она снова взяла меня под руку. Через дверное окно мама смотрела, как мы спускаемся по ступенькам.

– Все было хорошо, – сказала она, когда сад кончился, и калитка, заскрипев, отворилась. – Спасибо тебе огромное. Теперь мама не будет так волноваться, когда я снова поеду к нему.

– Мне кажется, она узнала мой голос.

– Спустя шесть лет? Нет, – она старательно покачала головой. – Нет, исключено. Да она раньше и не видела тебя.

– Я не слишком удачно сыграл свою роль.

– Ты был на месте. Не переживай. Все прошло, как и должно было быть, – эта последняя фраза смутила меня.

– И все же, мне кажется...

– Забудь, – коротко приказала она. И добавила, помолчав: – Тем более, он все равно никогда не приедет сюда....

Наступившая пауза оказалась последней. После нее мы простились. Уходя, я отчего-то замешкался у калитки, а она быстро пересекла сад и взбежала на крыльцо.

– Я проводила его, мама, – донесся до меня ее голос. – Подожди, дай я сама.

– Не надо доча. Все в порядке, я уже дотянулась.

Еще несколько минут я стоял у калитки, но более не услышал их голосов. Лишь звуки шагов, звон убираемой посуды и шорох с поскрипыванием колесиков кресла-каталки. Они молчали, мать и дочь, ничего не говорили друг другу. Точно боялись спугнуть неосторожным словом – ту иллюзию, что в промозглый октябрьский вечер каждая из них построила ради другой.

Кто знает?

Машина выбралась на шоссе. Скорость тут же возросла, стрелка спидометра, подрагивая, отлепилась от шестидесяти и медленно двинулась дальше. На пустынной дороге можно выжимать из «шевроле» все, на что он способен.

Шины едва шуршат, отбрасывая прочь пролетающие под кузовом метры полотна. Они складываются, обнуляются, и тогда проскакивает полосатый верстовой столб с номером. Сейчас цифра на нем перешла за сороковую отметку. А на шоссе по-прежнему никого нет. Только ветер, свистящий в ушах, холодное свинцовое небо с накрапывающим дождичком, горизонт, и бесконечное полотно, вечно стремящееся к нему. Оно почти идеально прямое, лишь изредка я трогаю руль.

Вокруг пустота средней полосы России. Кое-где виднеются жидкие леса, деревеньки, прижавшиеся к дороге и поля, уходящие по обе стороны шоссе вдаль, насколько хватает глаз. Они уже давно убраны – конец сентября, земля умирает; постепенно она покроется ледяной коркой, ожидая прихода зимы.

Новый поворот, я отвлекся, мысли сбились. Внутри кабриолета звучит то полушепотом, то срываясь в крик голос Криса де Бурга. «Леди в красном», его лучшая песня. Нежная мелодия пронзает. Я вслушиваюсь в слова, но не слышу их, полотно сковало мои мысли. Только я и дорога, и неважно, сколько это будет продолжаться. Сейчас я один в целом мире. А когда вернусь, то буду один в четырех стенах, а это страшно. Потому я и не думаю о грядущем, оставаясь мыслями, каждой минутой здесь и сейчас. Далеко ото всех. Мир слился в магистраль, которую терзает «шевроле» своими шинами.

Я опускаю верх машины. Набежавший ветер тотчас же бросается на мои волосы, треплет их, кидает в лицо ледяные капли дождя. Пускай.

Новый взгляд на верстовой столб. Уже пятьдесят шесть. Навстречу промчалась серым вихрем машина: должно быть, водитель также пребывает в восторге от бесконечного полотна, стелющегося от горизонта до горизонта.

Криса де Бурга сменяет команда «Иглз» с их жутковатым шлягером «Отель „Калифорния“». Дождь припустил еще сильнее, северный ветер, невесть откуда взявшийся, с яростью дует в лицо, заставляя поминутно жмуриться и закрывать глаза, все более доверяя машине. Может она и не смахнет на повороте с шоссе. Впрочем, смахивать тут некуда. До самого Питера, а именно туда несется мой «шевроле», дорога прямая как стрела. Трудно сбиться с выбранного курса.

Интересно, куда же я заеду на этот раз? Мне до боли не хочется поворачивать назад. Может, поэтому я и рассекаю хмурое пространство, убегая вдаль, прочь ото всех... и от себя тоже.

Дождь резко усиливается, заставляя меня закрыть верх кабриолета. Еще секунда – и мне послышался голос Светланы: «Хорошо, что ты закрыл машину, милый, я совсем продрогла».

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Разумеется, на заднем сидении никого. Она любила устраиваться там, полулежа, всматриваясь в проносящийся мимо пейзаж. «Милый, не гони так, ведь мы гуляем».

Наверное, всему виной скверная погода. Когда по небу низко ползут тучи, меня всякий раз охватывает какая-то странная хандра. Невзирая на протесты Елены, я беру машину и еду, еду, загоняя себя и причиняя ей невыразимое беспокойство. Она все не может привыкнуть к моим странным прогулкам. Впрочем, я тоже.

Вот и сейчас. Я сбрасываю скорость, поминутно убеждая себя, что все в порядке, что я один, что такого просто не может быть, а пальцы дрожат и глаза, нет-нет, да и глянут в зеркало заднего вида.

Иногда она обнимает меня сзади за плечи и шепчет в ухо ласковые слова, просит остановиться и отъехать подальше от дороги. И я не в силах ей отказать.

Надо сделать перерыв. Нельзя же так гнать все время. Если я попаду в аварию, это ее убьет. Убьет.

Милая девушка. Кроткая, внимательная, отзывчивая. Она одна в целом свете такая. И любит меня всем сердцем. А потому не может, не хочет понять, что я не могу относиться к ней так же. Просто потому, что люблю... другую, и не в силах вытравить память о ней.

Я с силой жму на тормоз. Покрышки визжат, за машиной остается черный дымящийся след, тонущий в белом мареве. Руки трясутся так, словно я напился до чертиков. Я роняю голову на руль, прижимаюсь лбом к темной коже и жду.

Минуты тянутся медленно, с неохотой сменяя друг друга. Не в силах вынести их течения, я выхожу под дождь, громко хлопая дверью.

Кашемировый костюм моментально промокает. Тем не менее, я медленно обхожу машину, достаю пачку сигарет и пытаюсь закурить.

Зажигалка все время гаснет, сигарета мгновенно промокает, точно не хочет тлеть. Я бросаю ее себе под ноги, закуриваю другую. Результат в точности повторяет предыдущий. Я топчу пачку ногами и медленно отворачиваюсь, глядя сквозь пелену дождя.

Тучи обложили горизонт со всех сторон, нигде и просвета не видно. Дождь снова припускает, и я уже не пытаюсь разглядеть что-нибудь в водной завесе.

Из машины доносятся последние аккорды песни группы «Скорпионз» «По-прежнему любящий тебя». Ее любимый шлягер.

Наверное, поэтому мысли о Свете незаметно прокрались в мою голову. Не могу не вспомнить о ней, хотя эти воспоминания и причиняют мне мучительную боль.

В продолжение унылой темы, избранной радиостанцией в этот час, я слушаю песню «Плывет за окном звезда...» «Черного кофе». Стихотворение Осипа Мандельштама звучит на фоне разошедшегося дождя как-то особенно горестно и терзает душу.

Я выключаю радио и снова влезая на сиденье водителя. Снимаю пиджак, склоняю голову, касаясь лбом темной кожи. Сажусь так несколько минут, понемногу успокаиваясь. И постепенно прихожу в себя

Резкие звуки, вырывают меня из объятий неторопливых мыслей, легкой полудремоты, в которой я пребывал какое-то время. Я вскидываюсь, оглядывая машину. Нет, пустяки, просто я нажал кнопку клаксона неловким движением, сам не заметив того.

И в тот же миг пронесившаяся рядом машина резко тормозит и останавливается рядом с моей. Кажется, дорожная инспекция. Из нее выходит крепкий мужчина средних лет и степенным шагом направляется ко мне. Барабанит в стекло костяшками пальцев, вглядываясь в тонированную темноту салона. Смахивает брызги капель, попавших на лицо, и снова стучит.

Я опускаю стекло, пристально разглядывая подошедшего гаишника. Его выправка еще производит впечатление, хотя он уж немолод, лицо избородили ранние морщины, а виски тронула седина. Он вглядывается в мое лицо, пытаясь заранее определить свои возможные действия.

– Вам плохо? – странно, эти слова он произносит шепотом, участливо наклоня ко мне голову. Я качаю головой, пытаюсь изобразить на лице некое подобие улыбки.

– Нет, нет, все в порядке. Я... просто немного устал.

Видно, он хочет знать, не пьян ли я, не нахожусь ли под действием наркотика. Однако уже через минуту подозрения оставляют его, инспектор сочувственно кивает головой.

– Смотрите, будьте осторожны. Вот ведь какая погода разыгралась. Вы куда едете?

Я искренне пожимаю плечами.

– Просто гуляю.

– Вы из Москвы? Тогда вам лучше вернуться домой. Посмотрите на небо – дождь только усилится.

Он пытается меня растормошить, но все как-то неудачно. Инспектор чувствует это сам, но отходит, качая головой, только когда я включаю зажигание и вывожу машину на шоссе. Некоторое время его машина следует за мной, развеивая подозрения. Я включаю поворотник, слегка притормаживаю, и патрульная машина легко обходит меня.

Мгновение – и синие-белая «ауди» исчезает в пелене дождя далеко впереди, а я медленно разворачиваюсь, и так же неторопливо ползу по пустому шоссе в противоположную сторону.

Снова включаю радио. Все та же ностальгия. На сей раз «Мадемуазель поет блюз». Госпожа Каас развеивает хандру, я перехожу на третью передачу, а спустя несколько секунд и на четвертую. Хорошо поставленным голосом, выдерживая паузы, ведущий сообщает:

– Сейчас вам предстоит прослушать запись живого концерта Сьюзи Кватро и группы «Смоки».

И тишина, не прерываемая ничем, даже музыкальной заставкой, точно он ожидает, пока аудитория придет в себя и устроится поудобнее. Или, напротив, фыркнув презрительно, поспешно переключится на другую станцию.

Не знаю, много ли таких, как я, на лице которых зарождается невольная улыбка. Моя рука непроизвольно тянется к поворотной ручке громкости. Попутно замечаю, что только что миновал Зеленоград. Значит, еще несколько десятков минут – и я снова в Москве. Нет, так не годится.

«Шевроле» сворачивает на обочину и медленно тормозит. С принесенной из неведомого далека радиоволной я слышу, как Крис Норман приветствует аудиторию, представляет свою группу и сообщает о программе на ближайшее время. Зал взрывается после каждого слова, одобрительный гул и аплодисменты волнами прокатываются по салону моей машины. Едва гитары берут первый аккорд, тотчас же слышится рев узнавания, в секунду достигнув апогея, он смолкает, и устанавливается мертвая тишина.

Молчу и я, вслушиваясь в каждое слово, в до боли знакомую мелодию. Про себя начинаю невольно подпевать. А, едва гитары и синтезатор смолкают, вслушиваясь в неровный гул зала, с нетерпением и трепетом ожидая следующей песни. Потом еще одной и еще.

Сорок минут, отведенных на запись концерта, пролетели. Запись прерывается, о чем немедленно сообщает диктор.

Мне тоже приходится возвращаться с концерта. Тепло музыки останется со мной на время, пока свежи в памяти отзвуки прослушанных мелодий. И пока не исчезли они окончательно, мне надо включить первую передачу да трогаться с места.

Все кончается. Дождь утих, кое-где в пелене облаков стали появляться белесые просветы. Я вывожу машину с обочины и медленно возвращаюсь на пустынное шоссе, совершая усилие.

Сознание неохотно возвращается в привычную колею. Прошлое оживает, неумолимо приглашая с собой в настоящее.

Бросаю взгляд на часы. Половина третьего. Наверное, Лена уже волнуется. Она и так боится отпускать меня одного, правильно, конечно. С некоторых пор, да что уж там, со смерти Светы – не могу никому в этом признаться, разве что себе и то лишь в такие, как эта, минуты – я чувствую, что продолжение моего существования связано исключительно с усилиями этой женщины. Если бы не она... мне оставалось лишь последовать за своей возлюбленной.

Жестокая прихоть providения, один из тех слепых ударов судьбы, который достигает цели с удивительной силой и точностью.

История нашего знакомства может уместиться – с перерывом в несколько недель – в месяц. Но ни я ни она не считали дни, проведенные вместе. Этим я занимаюсь теперь, наедине со своей болью. Конечно, я могу тысячу раз повторить себе, если бы не та авария, если бы она

не села в тот автобус, если бы я не позвал ее или перенес свидание на более поздний срок... Да тысячи таких «если» можно вызвать теперь, когда все давно позади.

Я тогда желал встречи с ней, я мечтал видеть ее, ощущать теплоту ее тела сквозь легкую ткань платья, гладить ее вьющиеся каштановые волосы, целовать прохладные губы. Она поддалась моим мечтаниям и села в тот самый автобус, позвонив и сказав, когда следует встречать.

Что еще может утешить? – то, что мое горе разделили еще десятки людей: родственников, друзей и близких погибших в той чудовищной катастрофе, когда стихия обрушила тысячетонный оползень на магистраль горной дороги, смахнув с пути проезжавшие автомобили... автобус и еще несколько легковушек... никто не спасся.

Но разве можно это считать утешением?

Прошло уже столько времени, а я ощущаю тот день так, будто он закончился лишь несколько часов назад. И в минуты острого чувствования мне просто необходимо какое-то время побыть наедине с собой... с ней. Я бросаю все, сажусь в автомобиль и еду, еду... в никуда, стремясь найти какое-то утешение в бескрайних просторах равнины, в самой езде, то медленной, то быстрой, но всегда безостановочной, всегда до предела, до горизонта, до края. И если мне удастся заглушить свои воспоминания, то, быть может, причиной тому вовсе не эти бессмысленные, по сути, выезды, а нечто иное. Иная.

Елена.

Мы были знакомы с ней достаточно долго, еще до моего сумасбродного, на ее взгляд, увлечения, разом заставившего меня бросить все, и лететь в горы, к той, с которой я провел всего ничего – месяц. Бросить все – и ее тоже. И только теперь она получила все.

Когда-нибудь она обязательно поймет, почему из нашего брака так и не вышло ровным счетом ничего, на все нужно лишь время. Когда-нибудь, но не сейчас. Пока она изводит себя страхом и упреками, и жаждет каждое мгновение разделить со мной. Единственное, на что она не претендует – быть второй Светланой. Она другая. Она добивалась меня несколько лет. Она понимает и не пытается. И все же ее боязнь того, что меня сорвет так же неожиданно из предсказуемого финала куда-то снова, в иные горы, к иным... иной, неведомой, у Лены переходит всякие границы.

Но разве могу я ее попрекнуть? Она права в том, что пытается удержать меня, слишком хорошо зная, что чувства односторонни, и, несмотря на все мои старания... едва ли я смогу, даже если попытаюсь, буду почувствовать к Лене то же, что она чувствует ко мне. Но я стараюсь. Только из-за нее я отправляюсь в эти бесконечные, одуряющие прогулки, когда понимаю, что не в силах быть достойным ее переживаний. Быть похожим на того, кого она пытается вылепить из доставшейся обожженной глины. Пока у нее ничего не может выйти. Но кто знает, пройдет время, боль утихнет, и раны зарубцуются, и Лена вновь станет той, что была со мной долгие годы. Только случится это не через год и не через два, а когда-нибудь....

А сейчас, когда я приеду домой, там ничего не изменится. Все будет, как в прошлый, как в позапрошлый раз....

Вот и Черная Грязь. Знакомые, давно изученные повороты – вправо, влево. Я выворачиваю руль, ловко уклоняясь от вылета на встречную полосу – шины скрипят, кузов потряхивает, задние колеса начинает заносить. И тут же вписываюсь в новый поворот. Дальше проще, ведь до самой столицы дорога – как тетива лука.

Гаишники не обращают внимания на мои лихачества. Должно быть, просто не хотят вылезать под дождь и тормозить очередного любителя гонок на мокром шоссе. Да и едва ли у них есть возможность нагнать меня, секунда – и я уже далеко. Сцепление великолепное, «шевроле» прекрасно держит дорогу. Надо отдать должное разработчикам протекторов – в самую отвратительную погоду за «шевроле» тянется несколько метров сухого следа.

Кабриолет хорош, грех жаловаться. Он торопится, летит по шоссе, великолепно держа дорогу, как положено надежному автомобилю. Жаль, совершенно не знает он, куда я на самом деле стремлюсь.

Хотя сейчас я уже его пленник. Конечно, я могу изменить курс снова, но... Эти серые глаза теперь уже неотрывно следят за мной, не давая увернуться. Лена ждет, переживает, мучается, наговаривая на себя невесть что. Смотрит на часы каждую минуту, изнывая от долгой разлуки...

Нет, повернуть я не могу.

И сам мучаюсь по той же причине. Как и она, только...

Руки медленно опускаются с руля, едва я представляю, (снова и снова, никуда не денешься, это как наркотик, и потому мне невозможно отказаться) ее лицо, ее голос, ее голубые как майское небо глаза. Мне хочется снова оглянуться, чтобы ее увидеть, там, сжавшуюся на заднем сиденьи автомобиля. Но я продолжаю безостановочно гнать, чувствуя все нарастающее желание и пытаюсь не повернуть голову. В конце пути такое происходит всегда.

Господи, ну пусть будет хоть чуть-чуть по-другому. Кто знает, что может измениться в этом случае, я не представляю, да и не хочу представить. Но хоть что-нибудь. Хотя бы шаг в одну или другую сторону, этого будет вполне достаточно, чтобы мучительное равнопритяжение прошлого и настоящего не смогло однажды разорвать меня на куски.

Одно действие уже сделано мной, осталось самая малость. И я откидываюсь на спинку и крепко закрываю глаза. На краткий миг, строго отсчитываемый мной, машина наконец-то свободна, она продолжает стремительно лететь по мокрому шоссе, оставляя за собой несколько метров сухого следа и незаметную память об утренней прогулке. В которой что-то...

Дождь прекратился к семи вечера, но погода оставалась сырой и промозглой, свинцовые тучи ползли по небу, почти касаясь земли.

Двум милиционерам удалось зацепить буксировочным тросом заклинившую дверь автомашины и вырвать ее. Врач и его ассистент проворно влезли внутрь и, подсвечивая фонариком, выволокли наружу тело молодого человека. Осторожно положили на приготовленные носилки. Доктор присел перед ними на корточки, ловкими уверенными движениями пощупал пульс на шее, оттянул веко, проверил реакцию зрачка на свет. Кивнул и перочинным ножиком разрезал залитую кровью рубашку. Поморщился.

– Скверно, – сквозь зубы пробормотал он, рассчитывая, что его никто не услышит. Но ошибся.

Женщина перестала плакать, только встревожено смотрела на врачей скорой, сгрудившихся вокруг тела. Она так и стояла подле машины, откуда вытащили молодого человека и не двигалась.

Мимо прошел милиционер, волоча за собой трос с крюком. Тот, змеясь, шуршал в траве. Машина техпомощи осторожно съехала с обочины и, притормаживая постоянно, добралась до рошцы, в которую врезался темно-синий кабриолет.

– Его бы перевернуть, – произнес немолодой уже сержант, задумчиво почесывая подбородок. – Так не вытащить. Здорово застрял.

– Может, за верх попробовать? – послышался голос из техпомощи. Сержант не ответил.

– Ладно, решим, – он подошел к неподвижной фигуре женщины. Помолчал, не зная, как начать.

– Вы не могли бы отойти. Нам надо вытащить машину.

– Да, конечно, – глухо произнесла она.

– «Шевроле» застрахован? – нерешительно спросил сержант просто оттого, что не придумал никакой иной фразы.

Она не ответила и, наконец, подошла к обступившим носилки врачам. Каждый шаг давался с огромным трудом. Осмотр закончился.

Женщина с неожиданной силой схватила доктора за руку, отвлекая его от носилок. Врач недовольно обернулся, но увидев ее, послушно отошел на два шага.

– Доктор, – она не знала как начать, – он...

Наступила долгая пауза. Врач заворожено смотрел, как слезы прочертили две блестящие в свете далекого фонаря дорожки на ее щеках. Закончить фразу она не смогла.

– Серьезно, очень? – в ответ нерешительный кивок головой. Он добавил:

– Похоже, что да. Не понимаю одного, как он умудрился слететь в таком месте. Ровная прямая полоса.

Он замолчал. Молчала и женщина.

– Если перенесет операцию, жить будет. Сразу как приедем, так и начнем. Состояние паршивое, я просто не могу от вас этого скрывать. Задеты... – он спохватился и замолчал. Женщина ждала продолжения, беззвучно плача. – Может так случится, что он не сможет ходить... – добавил он уже так, что женщина не расслышала, приняв за обычное стариковское бормотание.

Уцепившись за белый халат, женщина зарыдала, давая волю душившим ее слезам.

– Я сделаю все, что в моих силах, – успокаивающе произнес врач. – Поверьте, главное сейчас – довести его до операционной. У него будет больше шансов...

Он освободился из закоченевших объятий и быстро нырнул в карету скорой. Дверь захлопнулась, скрывая носилки с недвижимым телом молодого человека, машина завелась.

Внезапно женщина ожила. Она пошла следом, потом побежала.

– Адрес, напомните адрес больницы, – крикнула она.

Врач, севший рядом с водителем, обернулся.

– Я позвоню вам... завтра. Вы же дали свой телефон. Сейчас... вас все равно не пустят к нему. Не беспокойтесь, я вам обещаю, что позвоню. Когда можно будет увидеть.

Последние слова он произнес, не рассчитывая, что она их расслышит. Скорая тронулась и, медленно набирая скорость, выехала на пустое шоссе. Женщина продолжала бежать за ней, споткнулась, упала. Осталась лежать на земле, лицом уткнувшись в мокрую траву.

К ней подошел сержант. Помог подняться, одновременно отряхивая промокший костюм.

– Вы не ушиблись? – сжав губы в тонкую белую полоску, она помотала головой. – Идемте в машину.

Она молчала и не двигалась. Только ее губ едва шевельнулись.

– Зачем? – спросила она.

– Выпьете кофе, согреетесь. Вы промерзнете на ветру.

Но женщина обращалась уже не к нему.

– Зачем ты это сделал? – повторила она теперь чуть громче. – Что выбрал? Остаться или уйти?

Сержант накинул на ее плечи свою куртку и повел к машине.

– Сейчас вы немного успокоитесь, и мы вас отвезем домой. А завтра поедете в больницу. Вот увидите, он выкарабкается, это я вам говорю.

Женщина взглянула на него, молча дала себя посадить в машину, забралась в дальний угол, напротив сиденья водителя. Взяла протянутый ей пластиковый стаканчик дымящегося кофе и едва смогла кивнуть в знак благодарности. И долго сидела, глядя на медленно поднимающиеся струйки пара. Затем отпила глоток.

Девчонка

– Федор Викторович ушел, – крикнула мне соседка у подъезда. – Вчера хватилась. Тимур, вы не посмотрите у старой школы? Вам все по пути, – я кивнул.

Могла бы раньше зайти и посмотреть, ключ от стариковой квартиры у нее да у сестры. Но та и вовсе приезжает пару раз в месяц, на час-другой, будто не в одном городе. Или вконец надоел своими «фортелями», как она это зло прошептывает под нос, встречаясь с братом. Он еще и туг на ухо. Может и слышит, да все равно обнимает, одновременно пожимая руку – странные у них встречи – проводит в комнату, поит зеленым чаем с сухарями и грильяжем. Если тепло, ведет на детскую площадку, будто хвастается. Или нет, ведь сестра тотчас оставляет его, на новые пару-тройку недель.

Он сейчас один на пустом плацу перед школой – взлохмаченный, немного растерянный. Июль, каникулы, кроме него никого. Даже сторож куда-то делся. Обычно он отвозит Федора Викторовича назад, или кто-то из учителей. Тут о нем не сразу спохватываются, а путь до школы далек, если пешком, то около суток. Другой конец города.

Сегодня Федор Викторович не остался долго один. Девчушка, по виду почти школьница, подошла. Дети часто подходили к нему спрашивали, некоторые смеялись, он всегда улыбался в ответ, извиняясь, разводил руками. Его вели в школу, по дороге он что-то рассказывал. Он любил говорить, голос хоть и потрескался, но все равно теплый, приятный, я заслушивался; жаль, нынешние пацаны не застали.

– Вам помочь? А где вы живете? Как же так... – кажется, не встречала прежде. Старик снова улыбался, знал: подобное происходит не раз, и здесь могут помочь. Все остальное снова в плотном тумане. – Вы здесь знакомы с кем-то, хотите я позову? – даже мобильный достала.

– Спасибо, не надо, – произнес я, подходя. – Все в порядке, Федор Викторович, это Тимур Ишкаев из восьмого «В». – Девушка обернулась. Я будто на стену налетел.

В том самом восьмом я сошелся с Маринкой из параллельного. Столько лет вместе учились, встречались у друзей, ходили по музеям, а вот вдруг. Начали встречаться, ходили то на речку, то на задний двор школы. Сидели, обнявшись. Ни разу не целовались – за все три месяца. Обнимались, прижимаясь друг к другу и молчали.

Потом я ушел в техникум, а она... словом, разошлись. Тоже внезапно. Помню только, как с ней было хорошо, и все. Даже лица не помню, не помнил, вплоть до сегодняшней встречи. А ведь Марина, говорили, она уехала, даже не из города, вообще куда-то в Европу. Первый брак, скорый как выстрел, не сложился, а вот второй...

– Вы с ним знакомы? Слава богу, а то я... – не знал как себя вести. Взял под руку Федора Викторовича, повел за собой. – Я совсем не представляла, что делать.

И я не представлял. Наверное, ее дочь, до боли похожа. Значит, вернулась. Или не уезжала никуда. Столько слухов было. Про всех ходили слухи, кто где устроился, чем занимается, с кем живет. Противоречивые, все равно пересказывались, подхватывались, растаскивались.

Я остановился. Остановилась и она – тоже не зная, что делать. Какое-то время молча смотрели друг на друга.

– А что с ним случилось?

– Приступ амнезии. Федор Викторович историком здесь работал, лет тридцать, наверное, потом его выперли, какая-то скверная история. Заработал инфаркт и... словом, когда оклемался, у него начались провалы в памяти. После смерти жены, три года назад, вот такое и началось, – учитель покорно стоял рядом, слушал, иногда кивал головой. Каждый раз история оказывалась новой, сколько уж. Постепенно туман рассеивается, он вспоминает, сперва школу, потом учеников, жену, знакомых, всегда в одной последовательности. – Федор Викторович, вы меня помните? Тимур Ишкаев из восьмого «В».

Старик кивнул, как кивал на каждое мое слово. Девушка поежилась.

– И вы за ним приглядываете? – я смутился.

– Стараюсь. – никому он не нужен, ни сестре, ни соседке. Никого нет. Не то, что стакан воды поднести к одру. Вздрогнул, всегда представляю, что кончу вот так. Почему и боюсь старости. Сейчас особенно. Сорок лет, ржавая середина, как говорят. Хотя на мое работе мало рискует до нее дожить. – Вы удивительно похожи на мою однокашницу.

Девушка вспыхнула, не нашлась, что сказать.

– Просто удивительно, я как вас увидел, сразу ее вспоминал. Марина Сизарь, девичья фамилия, но я мы с ней в восьмом классе...

– Мою маму зовут Еленой, – и тут же почему-то: – Извините.

Отвернулась. Я кивнул и медленно повел старика учителя к автобусу.

– Вам не тяжело идти, может, присядем?

– Нет, благодарю сердечно, – наконец-то услышал знакомый голос. – Ноги еще ходят. Вот голова в тумане. Вы меня домой ведете, я правильно понимаю?

– Домой, Федор Викторович. Через час на месте будем. Тамара Евгеньевна, соседка ваша, обедом накормит.

– Вот спасибо ей. Знаете, молодой... простите, Тимур... я ведь и вправду проголодался. Неудобно сознавать, что так стесняю... у вас ведь дела, наверное...

– А мы на такси, быстро, – он снова заговорил о расходах, об отдаче, хлопотах; как зыбок человек – все вокруг осталось в памяти, а сам исчез. Какой там Тютчев.

– Тимур! – крикнула и осеклась. Мы обернулись. Это неловкое молчание, никак не решились сказать главного.

– Я когда увидела вашего соседа, очень переволновалась, знаете, со мной такое первый раз, – и еще дальше про встречу. Про его состояние здоровья, вспомнила, что у нее знакомая фармацевт. Только тогда, неловко, попросила номер телефона. Бледно-розовые ноготки застучали по серебристым кнопкам.

Ушла.

– Мне подумалось поначалу, будто это ваша родственница, Тимур, простите старика, что вмешиваюсь, – я стоял, провожая взглядом, смотря на одну, видя другую. – Но может будет удобнее, если я сам, без вашего стеснения...

Он всегда такой: тихий, спокойный, старающийся сделать все сам, и помогающий каждому. На его уроках мы, конечно, вольничали, но в меру. Знал, что его предмет отнюдь не первостепенный, проходной – и экзамена необязателен и в аттестате не посмотрят, – но все равно старался достучаться до каждого. Водил в походы, организовывал экскурсии, хлопотал о лагерях. Помогал, устраивал, разрешал. Чуть не единственная четверка у меня была по его предмету. Ну еще по физре, музыке и труду – а у кого иначе?

Ночью снилась Марина. Дурной сон: мы давно женаты, с вещами бежим вслед за толпой беженцев, стараемся перебраться через КПП на другую сторону, там хорошо, спокойно, там другая страна, куда обязательно нужно попасть. И тут меня хватают за руку – женщина, привидевшаяся как любовница, просит помощи в пересечении. Она с вещами не пройдет, может ты возьмешь ради старых отношений. Заговорил про жену, оглянулся. Не увидел Марины, – и тут сон смешался, вспыхнул, пропал.

По пути на работу заглянул к соседке, тоже ранняя пташка, спросить об учителе. Пока в тумане, но хоть поел, очень устал, заснул сразу, прямо у меня в кухне, и сейчас спит.

Поехал переговорить с ребятами, потом к шефу. Отчего она добрая, только когда неизбежное случается? И ухаживает все дни, пока в себя не придет, и врача вызывает чуть не через день, и в магазин бегаёт. А потом будто забывает. Да и я – тоже только спрашиваю, как и что. А потом вот езжу помогать. У меня денег достаточно на няньку, сестру, неважно, как это назы-

вается, соседка сама говорила, следует в собес подать заявление, за Федором Викторовичем закрепят приходящую сестру. И оба, поговорив, оставляем до следующего раза.

Ребята напортачили, пришлось исправлять, а вечером, созваниваясь, объясняться. Шеф конечно, не в восторге, но главное сделано аккуратно, чисто, следов не осталось. Поблагодарил, но выручку срезал. Назавтра надо знакомиться с новым адресом и разрабатывать его – месяц минимум, адрес серьезный. Я запросил еще помощника, последующие дни пропал на объекте. Выбрался только к началу следующей недели. Возвращаясь, в лифте встретился с мужем соседки, Федор Викторович чувствует себя получше, начал припоминать, в этот раз даже быстрее прежнего. Нас не узнает, но жену вспомнил, добрый знак. Может со временем совсем оклемается. Улыбнулся, показывая щербатый рот. Муж оптимист, ни во что не влезает, ничего не принимает близко, живет сегодняшним днем. Потому и счастлив.

Надо зайти, как дела освободят. Федор Викторович противоположность довольному пузану, встреченному в лифте, потому часто общаются – хоть и поговорить не о чем. Старику учителю не нравится этот дом, он не раз проговаривался, возвращаясь из тумана, устал от одиночества, от соседей. Наверное, поэтому и я, и соседка молча следим за его бегством, не делаем попытки помешать. Ведь он, забывая себя, возвращается туда и тогда, где был нужен, любим, уважаем, без этого ему трудно. После смерти жены и подавно. Пойти некуда, только так и туда. Даже не помнит, как охаяв, выперли, и как пытаюсь загладить, манили обратно. Поглядеть на стены, ничего не помня, улыбаясь беспамятству. Это уже определенное счастье.

Звонок. Неизвестный номер, я соединился не сразу.

– Тимур, это Лера, мы с вами... – могла не напоминать, сразу обожгло. – Простите, столько времени не решалась вас побеспокоить. Взяла телефон, а... я насчет фармацевта для вашего учителя, я связалась на днях, – говорила долго, сбивчиво, как тогда, в конце нашей встречи. Неизреченная мысль билась, не в силах вырваться с уст. Но договорились о встрече следующим вечером. Оба пришли в тех же одеждах, будто иначе и не узнали б. Зашли в кафе.

– Сразу хотела сказать, но не решалась. Как вы помянули свою однокашницу.

– Вы действительно очень похожи с ней, если не верите...

– Нет, в том и дело, я... понимаете, я брошенка. Не знаю, как объяснить, не то, что мои родители... теперешние родители так уж попрекают меня, и... Я, как волнуясь, все говорю и говорю, вы прерывайте, – она сделала попытку улыбнуться. Вышло очень схоже. – Вы как тогда сказали, мне вдруг захотелось встретиться с ней, поговорить. Сама не знаю, почему. Грех жаловаться, я в хороший вуз поступила, и... но раз вы знали мою маму, может вы найдете ее, ведь вам это не составит труда, остались телефоны, адреса, друзья... Мне увидаться с ней хочется, не ругаться или еще что, просто. Все дни только и думаю о ней

Я кивнул. Лера облегчено улыбнулась, камень с души упал.

– Это не блажь какая, – зачем-то добавила она.

– Я понимаю, – что же в ней перевернулось от одного моего слова? Что вдруг так прорвало? Симпатичная девушка, наверное, есть поклонники, друзья, подруги. Неужели вот та давняя потеря так давит? Или еще что?

Зачем-то спросил год рождения – девяносто четвертый, я только пошел работать. Голодное время, крутился как мог, тогда все крутились. Торговал, перевозил, мастерил, помогал, был на подхвате. Нашему классу не слишком повезло, после выпуска каждый оказался сам за себя. Одного убили в те годы, двое спились, не дожив до тридцати.

Отцовство – какого это? Иной раз задавался подобный вопросом, но к ответу даже не подступал. Хоть спросить есть у кого. Но сам выбрал путь, не свернешь, да и притерся, не хочется. Еще работа не терпит забвения. Никого не терпит, как ревнивая жена. Разве любовницу – мое одиночество.

Я привык к ним, терплю одну, не выгоняю другую. Прежде даже нравилось, теперь просто живу. Как все: не жалею, не ропщу, перебираясь изо дня в день. Это способствует уверенности и не отвлекает.

Мы еще говорили о чем-то, несущественном, неважном – главное уже сказано, я обещал, она ждет. Через час расстались, неловко пожав руки. Если б она была моей дочерью, как бы прощались тогда?

Вечером зашел к Федору Викторовичу. Старик заметно оправился, узнал. Вспомнил мою первую любовь, уж после техникума, жалел, что не осталась. «Она б тебя удержала». Я улыбался, не удержала, с нее и началось мое путешествие к нынешней опорной точке. Я всегда улыбался, когда говорил с ним. Как и он. Нравилось.

Просил еще заходить. Буду, конечно, как раньше, приходя, сравнивать. И его с вчерашним, и себя. Прежде восхищался, потом смеялся. Теперь жду. Каждый раз нового ухода и... мне хочется, чтоб он ушел именно так, в поиске давно ушедшего, на половине пути от себя к себе. Скорее всего, так уйду я, только безо всяких поисков, – не доеду до места назначения.

Сегодня спрашивал, как ему жилось с женой. Оба однолюбы, женаты первым браком. Жили душа в душу, любили, терпели, ссорились и прощали. Слушал, вспоминая Марину. Мог я хоть немного побыть с ней, – вместо ее первого, вместо моей первой. Нам было хорошо вместе, только ли оттого, что не понимали, что это? Или что-то чувствовали, о чем еще не догадывались и чего не понимали.

К чему эти вопросы. Все равно останусь прежним, бессмейным, – мне так удобней, проще. Попрощался, ушел к себе. Утром позвонила Лера. Спросила как дела, что нового. Я забыл, что мы перешли на «ты». Она рассмеялась. Снова попросила о встрече, вечером или на выходных, как тебе удобней. Как только появятся свежие новости.

Поехал к шефу, адрес очень перспективный, но брать быка за рога не получается, все испробовали, не подкопаешься. Конечно, он разозлился. Потом отошел, попросил рассказать, что думаю. Никогда не самодурствует, за что уважаю. Предложил поймать на живца, да долго, месяца три-четыре, может, полгода уйдет, но того стоит. Обещал подумать.

Вечером позвонил последней знакомой, с которой что-то теплилось после школы. Спросил о Марине, да, история. Прямо как у нас. Смех вышел натужным, видно, до сих пор не простила. Странно, что упорно продолжает общаться, будто чего-то ждет. В двадцать выскочила замуж, тут же разошлась, ребенка оставила в роддоме, еще и с родителями поцапалась, два года жила невесть где и как. Потом уже... А почему спрашиваешь? – как-то даже ревниво. Не про Леру же рассказывать, вспомнилось вот как в восьмом классе, она улыбнулась. Всегда бабником был, до седых волос дожил, а не унялся. И прок не нашел.

– Мне ж только сорок, – возмутился я, чуть улыбнувшись.

– А кому от этого легче? – мы помолчали. В новом браке Марина до сих пор, тебе-то зачем, прощения просить? Я неожиданно ухватился за эту ниточку.

– Дурак, – отрезала она и через пару минут отключилась. Можно было пойти в роддом и там все разузнать, в загс, в паспортный стол. Везде знакомые, той или иной степени зависимости или нужности. Пошел кружным путем. Будто намерено тянул с встречей.

Снова Лера. Новости? – двигаюсь, что-то нащупывается. Да, давай сегодня вечером.

Там же, в то же время. Сидели рядом, ничего не заказав, на веранде, говорила она, я молчал. О себе, о своих переживаниях, о том, что будет, когда увидит Марину. Еще не решила, как называть ее, если представится возможность. А ты как называл? Нет, Мариша плохо звучит, не думала, что ей нравилось. Мне бы не очень. Может не хотела возражать.

Может, не хотела, сердце неприятно стукнуло. В памяти только теплое пятно, без складок, без уточнений, одна фраза – мне было хорошо с ней. А ей? Наверное, ведь приходила, обнимала, обещая и следующий раз и еще. И так до самого моего ухода.

А почему ты ушел? Денежные проблемы, надо было работать, нет, Лера перебила, я о Марине, почему ушел?

Не знал, что ответить. Вот как-то разошлись. Не надоело, не устали, пошел в техникум, взялся за подсобную работу; она осталась в школе, не успевал бы на встречи... Во время летних каникул, мы договаривались поехать вместе, к ней на дачу. Никто не возражал, ничего не случилось. Рассказывать Лере не стал. Звонок, меня заторопили к шефу.

На прощание поцеловал руку, она кинулась на шею, крепко обняла, поцеловав в щеку, и убежала. Дурочка.

Взял такси и долго добирался по пробкам. Все равно не сосредотачивался – мысли блуждали, мутные, обрывочные. Шеф встряхнул и прямо потребовал показать, кого посылать в адрес. Назвал двоих, нет выбирай сам. Вот и выбрал.

Ночью не спалось, виделось странное: собаки попадающие под машины. Утром пришел к Федору Викторовичу, застал карету «скорой». Выходивший врач пожал плечами, сердце прихватило, погода меняется, а ваш сосед, да вы сами знаете. Не парализовало? – даже усмехнулся, иначе б забрали. Нет, и соседка и я не допустили бы. Больница в моей памяти – билет в один конец, туда ушли родители, родичи, приятели, нет, один из бывших друзей вернулся после черепно-мозговой, – но это другой человек.

В комнате Тамара Евгеньевна – суетилась, хлопотала, она неотложку и вызвала. Чего не врача? – не доверяю я им, специалисты только тут остались, сестра, светлой памяти, работала в бригаде. Да и что у нас за мурло терапевт, сами знаете. При этих словах Федор Викторович улыбнулся слабо. Пошевелился, попросил попить, слова ели шли, но улыбнулся.

– Все же стакан-то есть кому поднести, – соседка зашикала, я улыбнулся в ответ.

Днем вызвонила однокашница: нашла твою Марину, лови ссылку, любоваться. Долго не решался посмотреть. Потом тыкнул. Сперва подумал, ошиблась: Марина Кросс, замужем, двое детей, жительница Дрездена. Похудела до прозрачности, покрасилась в блондинку, тонкие губы, резкие складки в уголках. Конечно, четверть века прошло, но другой человек. Увеличил фото и долго вглядывался, пытаясь выискать знакомую в незнакомке. Что-то верно, осталось, но никак не удавалось угледеть.

Не выдержал, позвонил.

– А чем ты недоволен, ни даты рождения, ни города, ни даже школы не скрывает. И потом, она ведь ухаживает за собой, в отличие от некоторых. Тоже мне, герой-любовник из прошлого. По мне так очень привлекательная дама, мужики на такую вешаются.

– Уже повесился, – буркнул я, прерывая разговор. Стер сообщение со ссылкой, стер ссылку из истории. Самому себе мстил, вырезая, вычеркивая. Ночью она все же пришла. Та, другая, памятная. На вокзале покупали фрукты в дорогу, она долго выбирала безделушку, потом поехали домой. Высоченные деревья, метров по сорок, домики под ними в три-четыре этажа как игрушечные. Какой-то из них должен быть наш, Марина шла, чуть подотстав, будто предлагая мне угадать. Улыбалась. Я замедлял ход в растерянности, остановился.

Позвонил Гаяз. То, что я работаю на шефа девять лет и все еще жив и здоров, другим служит неким доказательством моего умения выкрутиться из любой ситуации. Особо из той, в которую они попали. Пришел, долго ругался, крутил пальцем у виска. Девушка лет восемнадцати-девятнадцати с приступом астмы, ну и кому такая невеста нужна в Махачкале? «Так что же, разбирать?», – растерянно пробормотал он. Я развел руками и вышел. По дороге позвонил Лере, начал рассказывать о Марине.

– Нет, погоди, не так, не так. Лучше лично, давай я подъеду, если тебе удобно. Или ты ко мне, лучше ты, давай.

Она снимала комнатку на окраине, в десяти минутах езды от старой школы. Вот так и вышла на Федора Викторовича. И на меня.

Обняла при встрече, целовала. Втащила в кухоньку, маленькую, грязную, захватила все свое и повела в комнату, с завесями, балдахином над софой и белоснежными обоями. Положила на колени ноутбук, связь то и дело рвалась, страница загрузилась с трудом. Лицо осветилось, едва Лера увидела фото.

– Ты прав, очень похожа. И выглядит на удивление.

– Она в Дрездене живет.

– Ну и что. Мы можем переписываться. Я не хочу свалиться ей как снег на голову. Я хочу...

– У нее двое детей, пацаны десяти и тринадцати лет.

– Я не к ним в гости, я на гостиницу накоплю. У меня работа есть. И потом... ведь ты же мне поможешь.

Снова прижалась. Я закрыл ноутбук, отложил его в сторону и закрыл занавеси балдахина. Горячо шепталась, вздыхала, тихонько охала и вцепившись ногтями в спину, прижимала что есть силы. Потом лежала, бесстыдно скинув простынь, тихо улыбаясь, глядя в глаза, поглаживая жесткую щетину волос. Бисеринки пота на лбу и носу. Совсем девчонка.

Когда уходил, повторила: «Ты мне поможешь?», – кивнул. Совсем.

Заработался допоздна, ездил, проверял, устраивал – вроде мелочи, а закрутился совершенно. Ночь спал как убитый. С утра сходил к Гаязу, парень разбит случившимся; посидели, поговорили, вроде начал отходить. Поехал в роддом. Хорошо, когда все должны, времени на поднятие архива ушло от силы полчаса. Молоденькая секретутка бегала куда-то за справкой. Принесла квиток. Девочка, три пятьсот вес, пятьдесят три рост. Родилась, оставлена, удочерена – все в один год. Имени Марина не дала. Мне было хорошо с ней. Три месяца ровно. Ни разу больше. Думай, что угодно.

Вечером снова к Федору Викторовичу, теперь почти каждый день у него. Уже лучше. Ходит, медленно, но сам. Спросил, изменял когда-нибудь супруге, только плечами пожал, да зачем мне? А она? Старик улыбнулся, ничего не сказал. Был грех, простил, или не случилось греха. Зачем спрашивал, сам не понял, извинялся уже в лифте, исцарапанным стенам. Поехал к Лере.

Обрадовалась, на бумажку даже не глянула. Стала искать отдарок – в нижнем ящике шкафа, нарочно медля. Протянула – гель для душа.

– Значит, придется покупать душ, – процедура повторилась, гель для ванной.

– Только теперь с тебя, – произнесла, задохнувшись.

– Договорились, – занавеси балдахина задернула сама.

Нет, так нельзя, с самого начала нельзя. Она строила планы поехать в Краков, ты не против? – подруга рассказывала и показывала много удивительного. Зачем-то спросил о Дрездене, но ведь я всегда могу заехать по дороге, как договоримся. И я ведь с тобой поеду, может она тебя тоже помнит, и ей тоже было хорошо. Как со мной, правда ведь. Кивал, не понимая, зачем рассказал? Почему медлю. Ничего не обещал, не дарил, —сама поняла, все время в глаза смотрела. Только нет горячего камня, нет и не будет, а больше ни ей, ни себе не позволю. Не смогу. Надо рвать, с каждой минутой будет больнее.

Все равно долго целовал, прежде, чем сказать. Искал слова побольнее, ничего не нашел. Хлестнул по щекам уголовными статьями работы. Сникла, смолкла.

– Я все равно буду ждать.

Я покачал головой. Девчонка, глупая девчонка.

– Чего?

– Федора Викторовича. Ведь он когда-нибудь вернется, а я приведу. Или ты...

Бухнул дверью и долго стоял у лифта, привалившись к стене. Краков мелькал перед глазами, никак не уходил. Хоть бы он оставил в покое.

Мокасины

Давно собирался купить мокасины. Легкая удобная обувь, как раз на вечно изнывающую от зноя летнюю Москву, жаль, дорогая. У меня пара сносилась, выйти в люди стало неудобно, но что поделаешь, уже полгода не могу найти работу. Стоит вложиться хотя бы в обувь, чтобы будущие работодатели, всегда следуя советам глянцевого журнала, встречающие работника по обувке, хоть в этом оказались удовлетворены и не отнекивались, как обычно, пожеланиями «неприменно перезвонить, как только освободится место».

В тридцать пять трудно найти приличное место. Еще труднее человеку, не слишком преуспевающему в работе локтями и державшемуся за место секретаря, благодаря снисходительности начальницы, которой восемь лет приглянулся назад немного комплексуемый молодой человек, неплохо разбирающийся не только в базах данных, но и в двойной, вернее, тройной бухгалтерии ее компании. Этой зимой кризис добрался и до нас – начальнице пришлось продать компанию и распрощаться со всем персоналом.

С тех пор места себе я так и не нашел; пробовал и прямые пути и окольные, но везде получал отказ. Дорогу получали молодые, те, что только окончили вузы или только собирались это сделать. Любая работа в столице требовала не столько опыта, но умения выворачиваться наизнанку ради интересов компании, чтобы зарекомендовать себя как бесконечно преданного фирме человека. Только после получения подобного ярлыка, юноша бледный со взором горящим мог рассчитывать на небольшое повышение – что означало обычно для него не столько увеличение зарплаты, сколько прибавление работы. И если через пару лет он еще держался на ногах, и все еще вкалывал, вот тогда приходило оно, долгожданное единение с компанией. Он уже мог не носить белый верх, черный низ, мог вообще не надевать костюм, если работа не требовала общения с клиентами, мог завести себе друга, подружку, автомобиль, квартиру на периферии, словом, все то, что полагалось ему по новым правилам. И включившись в новую игру отныне мог продираться все выше и выше по лестнице.

В подобные игры я пытался играть, но так и не смог. И потому вылетев, продолжал бродить от одной конторы в другую. Хорошо, жил без семьи, со старушкой-мамой, на мои старые запасы и ее нищенскую пенсию —несмотря на прошедшие полгода надежде удавалось каждое утро переламывать хандру и обретать уверенность в сегодняшней удаче.

Ей я руководствовался, когда отправился к станции метро «Парк культуры», где в минувший понедельник открыли новый обувной дисконт – подобные заведения, после кризиса появлялись в столице, как грибы. Так и в этот раз – на месте какого-то бутика оказался склад обуви, из подъехавшего грузовичка бравы молодцы с юга разгружали тюки и коробки. Войдя внутрь, я обнаружил огромное количество еще не распакованных картонок на входе, а дальше – вполне приличный выбор обуви.

Пока я разглядывал выложенный на стеллажи товар, ко мне незаметно, как это часто бывает в подобного рода шарашках, подошел продавец:

– Могу вам чем-нибудь помочь?

Говорил он с явным южнорусским акцентом. Я обернулся: продавец, молодой человек, лет двадцати от силы, немедля преобразился, подтянулся, изобразив на лице положенную в таких случаях улыбку, склонил голову в знак внимания и уже заготовился бежать и показывать. Муштра, от которой мне всегда становилось неловко, но что поделать: он прекрасно знал правила игры, свою хлипкую диспозицию, свое место в иерархии и цену одного-единственного неверного движения.

– Я хотел бы посмотреть мокасины.

– Одну минуточку... Ашот! – и дальше что-то на языке, которой я понимал, но с большим трудом, эдакий вариант русского для не знающих его. Затем снова ко мне: – Пройдемте, я вам покажу.

Привел он меня к туфлям известной марки «Честер». Остановился, поинтересовался, какой цвет мне подходит.

– Я просил мокасины.

– Извините, к сожалению, сейчас мокасин у нас нет в продаже, возможно, будут в следующем завозе. Но я бы рекомендовал вам...

Я успел только покачать головой, внезапно со двора раздался пронзительный гудок автомобиля, оба встрепенулись. В магазине началось шевеление, побросав свои дела, работники устремились во внутренний дворик, к машине; возьми я сейчас хоть десяток коробок обуви, на это никто не обратил бы внимания.

Я выглянул в окошко: «Порше» остановившийся подле неприметной калитки, немедля притянул мой взгляд. Дорогая модель, явно не тех, кто здесь руководит, скорее их самого высокого начальства. Ярко-красная машина, блестящая на солнце. Дверца отворилась, молодая женщина в строгом костюме появилась из недр салона. Хлопнула дверью, повернулась в сторону калитки: там ее встречала уже целая делегация. Я взгляделся в профиль, сердце пропустило удар и забилося бешено.

Пятнадцать лет прошло, нет даже больше. Не выдержав, я открыл окно и окликнул. Секундное замешательство, на лицах встречающих отобразилось какое-то смятение, кто-то скрылся за дверью, дабы утихомирить меня или просто отвести от окна подальше. Лена смотрела на меня долго, очень долго, должно быть, прикидывала, скорее, оценивала, и внешний вид и смысл, вкладываемый и мной в окрик и ей в ответ. И поколебавшись с полминуты, все же кивнула.

– Рада тебя видеть, – ответила она, впрочем, довольно официально. – Как поживаешь? Я тут по делам, проходи, если никуда не торопишься.

Не задумываясь, я прошел черным ходом к калитке. И только тогда сумел разглядеть во всех подробностях свою старую знакомую.

Мы познакомились, когда ей было четырнадцать, мне пятнадцать. Расстались, когда я уже поступил в институт. К тому времени у нас сложились отношения, и довольно близкие, как нам казалось тогда, но в целом вполне летние, то есть на время каникул мы обнимались и целовались и забывали обо всем на зиму, будто впадая в спячку, и возобновляя эту странную дружбу, это притяжение только, когда снова оказывались в одном доме на даче. И мы охотно предавались сонному летнему сплину в объятьях друг друга, мы бродили по тенистым улочкам, ездили на велосипедах на пруд купаться и загорать. Переодеваясь, я прикрывал ее большим китайским полотенцем от всех прочих глаз, и лишь только один мог видеть ее маленькие, не развившиеся еще груди и влажные руки, жадно прижимавшие меня к себе. На что-то большее ни я ни смел, ни она не решалась.

Тем более странна оказалась наша встреча сейчас. Тоже лето, но совершенно другое, да и дела у нас, не уехавших отдохнуть, тоже иные. Пока я шел по коридору, сотни вопросов роились в моей голове, ища выход, я уже представлял сцены нашего разговора, пусть короткого, пусть часто прерываемого здешней начальственной шелупонью. А еще мне было интересно, как она и кто она сейчас. И тем более... что я чувствую к ней. Сердце билось бешено, я запыхался, пока подошел к крыльцу.

Лена не ждала, увидев меня, она просто махнула сверху, поднимаясь на второй этаж. Я последовал за ней, странно, вроде бы меня должна была покоробить ее бесцеремонное обхождение, но нет, я обрадовался уж тому, что снова увидел ее.

Мы поднялись на второй этаж, состоящий из короткого коридорчика и приткнутых друг к другу дверей, казалось, за ними вообще ничего не может быть, столь близко они располага-

лись друг к другу. Лена прошла до самого конца, открыла крайнюю, снова узкий длинный коридор – и только потом мы оказались в достаточно просторном, уютном помещении, вероятно, здесь располагался кабинет руководителя филиала. Рабочий стол, небольшой столик для переговоров, рядом диван, два кресла и репродукции Ван Эйка на стенах. Лена расположилась в одном из кресел, мне кивнула на противоположное; в руках уже была какая-то папка, которую она споро просматривала. Следом довольно робко вошел, как я понял, сам хозяин кабинета, сотрудники выстроились у стенки. Не отрывая взгляда от отчетов, Лена набрала номер, коротко сообщив: «Это я» – несколько минут слушала собеседника. Затем снова начала листать. Наконец, добавила в телефон «приезжай» и убрала аппарат. Подняла глаза на меня.

– Это ненадолго. Сейчас разберемся, – кажется, последняя фраза адресовалась уже не мне, судя по тому, как дернулся всем телом глава филиала. Лена не смотрела на него, а я замечал мужчину лет сорока пяти краем взгляда, только, когда он делал какие-то движения: доставал платок и промакивал пот на лысеющем лбу или пытался освободить ворот рубашки, туго затянутой галстуком – мой взор, как и всех в этой комнате, сосредоточился только на ней. Лена просматривала бумаги, потом бросила папку на стол, листки разлетелись, но и на это никто не обратил внимание. Та поднялась и приказала вести ее в бухгалтерию. Кивнула мне, чтобы я следовал за ней.

Гуськом мы перешли из кабинета в кабинет. Присев за стол, на котором продолжала работать, вернее, замерев, сидеть за компьютером молодая бухгалтерша, не решавшаяся снять пальцы с клавиатуры, Лена попросила данные за последний квартал. Быстро пролистала и бросила на стол, тяжелый футляр грохнул о полировку. Куда-то позвонила, на этот раз даже диалог состоялся, правда, я не понял сути произносимых фраз, будто говорили на арго или понимали друг друга с полуслова. После разговора снова вышла, пожелав узнать, какой товар готовится к раскладке. Странно, мне только сейчас подумалось, неужто она всегда вот так вцепляется во все вопросы в том числе находящиеся в компетенции не то, что ее подчиненных, но работников ступенью еще ниже, неужто, она пытается контролировать вообще все процессы? Можно подумать о низкой компетенции нанятых ей кандидатур. Или это так кризис ударил по ней, именно по ней, что Лена теперь старается проверять все действия подчиненных, каждое движение, каждое решение, чтобы ничего не ускользало от пристального ее взора.

Снизу бибикнула подъехавшая машина. Лена подошла к окну, кивнула довольно и продолжила свою работу – она пока никого не отчитала, не выявила никаких нарушений, не обнаружила финансовых утечек, но страх перед ней все равно парализовал волю всех работников, от начальника, беспрерывно утирающего лицо платком, до последнего грузчика, который по работе своей, крайне мало зависит от подобного рода проверок. И тем не менее, никто не смел вернуться к обязанностям, пока высокий гость не покинет их обитель. Лена никого не держала подле себя, но и не тяготилась присутствием подобострастной толпы. Ходила из кабинета в кабинет, а за нею следовала внушительная свита, молча сопровождавшая и не смевавшая слова сказать, даже в знак угодливости.

Внове возвращаясь в кабинет директора, я взглянул на настенные часы, надо же, уже девяносто минут блужданий, пролетевших как один миг. Обычно ожидание тянется мучительно, тяготно, но только не сейчас. Я бродил вслед за всеми от одной двери к другой, наблюдая за тем, как сосредоточенно Лена изучает документы, беседует по телефону, отбирает бумаги в красную папку, которую возьмет с собой. Ждал, когда обратит на меня свой взор, и пару раз кажется ловил на себе взгляды давней подруги, рассеянные, мимолетные, но всякий раз отмечающие мое присутствие – и тем успокаивающие и меня и саму Лену, быть может.

Дверь внизу бухнула, по лестнице зацокали каблук – в проем вошла молодая, лет двадцати пяти – двадцати семи, белокурая девушка, коротко, стриженная, в кремовом деловом костюме и с папкой видимо, наспех собранных бумаг – кажется, именно ее и вызвала сюда Лена. Кажется, только ей и доверяла.

Лена немного успокоилась, перевела дыхание и кивнув на диван, устроилась вместе с ней, бок о бок. Обернувшись, кивком приказала остальным очистить на время помещение. Работники поспешно ретировались, испытав определенное облегчение, высший состав чуть помедлил, прежде чем удалиться. Я не знал, как мне себя вести в сложившейся обстановке, потому медлил и стоял у полузакрытой двери. Лена взглянула на меня.

– Присаживайся. Я недолго, – и снова погрузилась в тихий разговор с подругой, доверительный настолько, что, мне казалось, им не так были важны слова, сколько само это чувство сопричастности. Я сидел в кресле подле окна искоса поглядывая на уединившуюся парочку, почему-то хотелось называть их именно так, я понятия не имел, связывает ли еще что-то этих двоих, но непрощенные мысли сами собой закрались в голову. Я попытался отогнать блуждающие размышления, но не мог распрощаться: покуда они шептались и переглядывались, покуда Лена осторожно вынимала ручку из пальцев своей компаньонки и писала что-то сама на листках документов, а затем снова, так же бережно вкладывала. И как и я, искоса поглядывала на нее.

Истекли еще три четверти часа, я не отрывался от занятых делом подруг, они почти не обращали на меня внимание, а под конец, кажется, в самом деле, позабыли о моем присутствии. Но время истекло, мобильник предательски пискнул, компаньонка поднялась первой, Лена с явной неохотой, вслед за ней, подавая, вкладывая в тонкие белые пальцы последние листы. Та кивнула, короткое прощальное объятие снова. Дверь захлопнулась.

Некоторое время она стояла молча посреди кабинета. Затем посмотрела на меня. Словно встряхнулась, переключилась в обычный свой ритм, кажется, даже цвет глаз переменялся.

– Все дела, дела, – я поднялся следом за ней, уже сам не зная, на что рассчитывать. – Видишь, так и живу, как белка в колесе.

– Мы так давно не виделись, – произнес я, не зная, с чего начать. Лена переспросила, отвлекшись на звякнувший телефон, на который пришло сообщение. Кивнула, когда я повторил.

– Ты прав. Давно, – она бросила взгляд на часы, что-то прикидывая. – Сейчас время обеденное, знаешь что, давай встретимся в ресторане «Яблоко», это здесь, на Крымской площади. Я еще дам последние указания, и закажу столик, – она подошла к дверям, и увидев, что я все еще медлю: – Подходи прямо туда.

Она словно выгоняла меня. Вернее, не подпускала к себе. Я долго смотрел на Лену, та молча ждала. Наконец, я кивнул, она стремительно вышла, мне показалось, вздохнув с облегчением. Каблуки зацокали по лестнице, она направлялась на склад, да я тут уже всё успел изучить. Я вышел через магазин, продавцы внимательно смотрели на меня, не говоря ни слова, с лицами, лишенными какого бы то ни было выражения. Закрыл дверь, попав в солнечный раскаленный мир московского лета, перевел дыхание. Почти позабыл, какая на дворе жара и духота.

Садовое кольцо стояло в оба конца, три часа дня, транспорт еле двигался. Неподалеку от меня «букашка» – троллейбус маршрута «Б» – пытался объехать припаркованные в два ряда автомобили, бесполезно, он мучительно гудел и призывал на помощь. На остановке уже скопилось преизрядно пассажиров, сзади подъехал еще один троллейбус, десятого маршрута, тоже загудел, к ним присоединились клаксоны некоторых легковушек, не могущих протиснуться к Крымскому мосту.

Со двора выехала машина Лены. Недолго постояла, водительница высунулась из окна, оценивая обстановку. Круто развернулась, отправившись дворами. Я прошел пешком до ресторана, расположившегося в здании бывшего книжного – всего-то остановка от обувного дискаунта. Когда-то я покупал там словари, занимаясь переводами с немецкого – еще в школе, в жизни, словно бы параллельной той, что вел с ней, летней моей знакомой, жарко целовавшейся и прижимавшейся в минуты нежности.

В небе громынуло, я поднял голову: со стороны Пироговки быстро собирались тучи. Потому и парило нещадно и духота прижимала к земле. Лена любила грозу, помню, однажды, застигнутые врасплох далеко от дома, мы стояли под тонкой березкой, я обнимал и целовал ее обнаженные шею и плечи, а она, смеясь, подставляла лицо дождю.

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение, преследовавшее меня будто в наказание за неведомые прегрешения.

К ресторану мы подошли одновременно, Лена спешила, мне снова пришлось ее окликнуть. Она остановилась, поджидая меня, торопливо подходя, я снова разглядывал знакомую, будто видел в первый раз за столько лет, сейчас, на фоне предгрозового неба, в последних лучах солнца, стремительно скрывающихся за тяжелыми наковальнями облаков.

Как же сильно она изменилась: удивительно, и то, что я узнал ее, и то, что она обратила на меня внимание. В той, что подставляла лицо первым каплям дождя я не нашел бы и следа нынешней, кажется, чуждой всему своему прошлому. Сознательно ушедшей от него, перемигившейся до неузнаваемости, ставшей как все, одной из них, совсем другой.

Или это я так переменялся за истекшие сквозь пальцы годы? Потому и сравниваю несравнимое, меряю на иной, давно вышедший из употребления аршин? Я взглянул на Лену, она блекло улыбнулась мне, поднимаясь на второй этаж, снова второй. Метрдотель встретил ее у самого входа, проводил нас к столику в дальней части ресторана, деловито жующих деловых людей, нашедших время перекусить в этом помпезном и одновременно столь же официальном, словно гербовая печать, ресторане.

Мы сели друг против друга, я невольно улыбнулся ей, но в ответ не получил даже кивка.

– Получается так, – тихо произнесла она, – что у меня здесь будет деловая встреча, только что назначила, невозможно отказаться. Но я рада, что ты все же дождался. У нас есть минут пять свободного времени. Я тебя слушаю.

Я смотрел на нее, уже без улыбки. Лена опустила глаза, не давая мне шанса встретиться с нею взглядом.

– Я слушаю, – повторила она.

На улице прогремели первые раскаты грома, через несколько минут на душный город выльются потоки жаркой влаги. А когда тучи уйдут, жара снова завладеет этим миром, еще более тяжкая.

Я молчал, по-прежнему не отрываясь от ее лица. Новый раскат грома. Она обернулась к окну, кажется, на лице промелькнула едва заметная улыбка. Лена снова повернулась ко мне, наконец, мы встретились взглядами. Правда мне нечего было сказать ей, но я никак не мог отвести от нее взор.

Предел приближения

Со своей новой соседкой я познакомился не скоро. Нет, видел ее часто, мы въехали в дом почти одновременно. Вот только ее квартиру приводили в порядок нанятые рабочие: ставили сантехнику, меняли полы, двери, окна, клеили обои. Неудивительно, что первое время появлялась она исключительно, чтобы дать указания одним и рассчитаться с другими. В моих скромных апартаментах головная боль только начиналась. И не в таких масштабах, конечно. Сами знаете, сколько стоит купить квартиру, пусть и в рассрочку и на самой окраине. А когда потратишь на приобретение все скопленные деньги, последующие долгие месяцы превращаются в бесконечную канитель работ. Кто-то из моих знакомых, попавших в сходную ситуацию, управился со строительными недоделками за полгода, мне же в этот срок не особенно верилось. Верно говорят, что переезд равносителен пожару.

Я еще оставался «приходящим хозяином», когда моя соседка отпраздновала новоселье. В том довелось убедиться лично: вечером, заканчивая дела, я не удержался и, заглянув внутрь гостеприимно распахнутой двери, увидел два сдвинутых стола, ломившихся от снеди и выпивки, и с десятков персон, прильнувших к оному богатству. Из присутствовавших на празднестве меньше половины годились по возрасту в друзья-подруги хозяйки, остальные составляли другую категорию, старше первой раза в два. Задержавшись, насколько позволяли приличия, и оглядев обстановку холла, я скоренько отправился к мусоропроводу. На обратном пути скользнул мимо шумно беседовавших гостей в расстегнутых пиджаках и съехавших на сторону галстуках и укрылся за дверью, прислушиваясь.

После увиденного, оглядываться на свои голые стены не очень хотелось.

Когда я уходил, – около девяти, кажется, – веселье продолжалось, входя в разгар. Запирая квартиру, я столкнулся нос к носу с моей новой соседкой. Мы несколько смущенно пробормотали извинения, ее слова я с трудом разобрал – девушка явно взяла на себя лишнее. Еще раз извинившись, она на мгновение оперлась на мое плечо, дабы не растерять равновесие, и вернулась домой. Из по-прежнему приоткрытой двери лилась легкая музыка, слышался голос Джо Дассена, нестройные голоса гостей, пытавшиеся подпевать ему по-русски, и звон посуды.

В последующие месяца два мы довольно часто встречались в коридоре, разделившим наши квартиры. Тому то ли благоприятствовало стечение обстоятельств, то ли, – на это я правда, мало надеялся, – моя соседка заинтересовалась новым жильцом. Мы встречались, но пока не заговаривали. Проходили мимо, каждый по своим нуждам, лишь здороваясь друг с другом так, как это делают все соседи во всех новостройках. Когда девушка выходила, вслед за ней высывалась любопытная пушистая морда ее любимца: кот внимательно следил за своей хозяйкой, но переступить порог не решался, а стоило мне пройти мимо, и вовсе прятался под вешалкой.

Соседке на вид я мог дать лет двадцать пять – двадцать семь, одного со мной возраста. Симпатичная, хотя лицо и фигура отличались от стандартов красоты, – резкостью линий, практически не затушеванных, как это присуще женскому полу. И, тем не менее, эта угловатость черт, высокие скулы, широко расставленные миндалевидные глаза и твердый подбородок, обладали определенным шармом. Быть может, из-за непривычной фактурности лица, но ведь все необычное притягивает. Фигура моей соседки, насколько позволяли разглядеть ее мешковатые спортивные костюмы, будто не сформировалась еще: широкие плечи, небольшая грудь, и узкие бедра, иногда прикрытые длинным джемпером или кофтой.

Всем этим она чем-то напоминала Любовь Орлову. При первой нашей встрече мне подумалось, что это, будто высеченное из мрамора лицо еще долго будет сохраняться в неизменности, лишая возможности с ходу определить истинный возраст собеседницы. И более всего

сбивать будут глаза, бесцветно серые, могущие принадлежать и мечтательной девчужке-подростку, и женщине преклонных лет, вспоминающей былое.

Ее глаза без возраста и манили и отталкивали, я старался не смотреть в их бездонно-серую пустоту, – но все равно, поддавшись гипнозу, встречался взглядом.

Видимо, не одного меня смущали они. Но притягивали безоглядно, кажется, одного человека, и она, единственная из подруг, кто навешала мою соседку, находила в них что-то иное, что заставляло ее подолгу всматриваться в лицо со странным выражением, понять которое поначалу я не мог.

Они составляли полную противоположность; наверное, так и есть в тесной дружбе – более притягиваются люди, видящие в ком-то продолжение своих черт, принявших в иной натуре иное обличье; подобные изменения, действительно, могут заморозить. Как притянули меня. В чем следует быть признательным характеру ее подруги. Больше месяца мы не удосуживались перемолвиться словечком, но стоило только появиться Маше, как она немедленно познакомила нас.

Отделка моей квартиры еще продолжалась, однако, я вынужден был поселиться в ней. В тот день я в очередной раз – какой по счету – выносил мусор, когда гостеприимная дверь неожиданно распахнулась, и обе девушки вышли покурить. Мы, как обычно, поздоровались, идя к мусоропроводу, я краем уха услышал в их разговоре слова, касающиеся моей персоны, а когда возвращался, Маша остановила меня, самым простым способом – преградив путь. И старательно выдерживала паузу, прежде чем задать вопрос; все это время я с любопытством разглядывал милостивую блондиночку-душечку, живую, точно капля ртути, с пухлым детским личиком, голубыми глазками, алыми губками бантиком – уменьшительно-ласкательные определения просто созданы для описания ее внешности. Да и росточком она не вышла, на голову ниже меня или моей соседки. Интересная деталь, позже, когда я пытался воспроизвести в памяти лицо Маши, оно, подобно все той же капле, растекалось под моими попытками воссоздать его и собиралось вновь, но уже в каких-то фантомных образах, виденных не то на обложках журналов, не то в рекламе на телевидении. И оттого, что я не был уверен, верно ли вспомнил ее лицо, не смешал черты, позаимствовав какую-то часть из образов других людей, ничем не связанных с девчужкой, первое время я не сразу узнавал ее, тем более, что Маша любила менять наряды, порой по несколько раз на дню и лишь отстраненно понимал, что никто другой не может выйти с такой небрежностью из соседней квартиры.

Меж тем, тогда она, преградив дорогу и выдержав необходимую, по ее мнению, паузу, спросила:

– Молодой человек, вам не кажется странным что вы до сих пор не знакомы с моей лучшей подругой, – пальцы ее зацепили рукав кофты моей соседки, та повернулась к Маше. – Столько времени вместе живете, бок о бок, а слова сказать не можете. Это неестественно.

Несколько ошарашенный ее словами, я признался, да это не совсем обычно. Маша продолжила:

– В таком случае, представьтесь нам.

Так я узнал, что мою соседку зовут Талия.

– Обычно все мужики делают такое выражение лица, как и у тебя сейчас, – откомментировала она мои вздернутые брови.

– Просто редкое имя, – пробормотал я, более удивленный, нежели смущенный ее натиском.

– Греческое, данное в честь одной из харит, богинь плодородия, впоследствии ставших олицетворением женской красоты и прелести. В переводе означает «цветущая», – Маша говорила как по писаному. – но это ясно и без перевода. Кстати, хариты в римской мифологии именовались грациями и под этим именем известны тебе больше.

Она хотела еще что-то сказать, но Талия, вмешавшись, остановила подругу:

– Маш, довольно уже.

По виду девчушка была лет на десять моложе соседки и, наверное, воспринимала Талию не иначе, как старшую сестру. После коротких ее слов, Маша немедленно замолчала, хотя по-прежнему продолжала стоять на моей дороге. Так и не уступив, задала другой вопрос:

– Ты давно здесь живешь? В смысле, совсем уже переехал, или еще проходящий?

– Месяц как поселился.

– И за это время... все, молчу, молчу. До сих пор приводишь хоромы в порядок? – я кивнул. Маша старательно изображала младшую сестру, до которой нет никому дела и за которую никто не отвечает. – У тебя, кажется, две комнаты? Я вижу, все деньги ушли на покупку. Талия мне рассказывала, что ты один возишься. Дело движется от полочки до полочки?

Талия нахмурилась, но я рассмеялся. Давно не слышал такого откровенного любопытства. Некоторая скованность, бывшая прежде меж мною и моей соседкой, теперь исчезла. Талия улыбнулась вслед за мной, и Маша, верно восприняв этот сигнал, продолжила расспросы, а я отвечал ей. Рассказал о работе, – «главбух, это звучит гордо», – тут же съязвила неугомонная, – о том, каким образом досталась мне эта квартира – «значит, фирма купила тебя лет на десять вперед. Или сколько ты будешь выплачивать им из своей зарплаты. Кстати, какая она у тебя?»

– Больше половины квадратного метра, – отшутился я.

– За десять лет не справишься, – серьезно сказала Талия, и эта ее серьезность завела Машу еще больше. Мы как-то так сошлись взглядами в этот момент... словом, ее веселость заразила и меня. Я вспомнил анекдот, довольно старый, о новоселах, потом еще один из той же серии. Смех Маши был неподражаем. Улыбка Талии – наверное, она уже слышала все эти шутки, – тоже. Я стал рассказывать еще один, поглядывая на соседку.

Она стояла, прислонившись к стене, и с видимым интересом наблюдала за нами. К кривляньям подружки она привыкла и теперь любовалась моей реакцией, должно быть, непосредственной и весьма сумбурной. Она улыбалась, когда мы вспыхивали смехом, и поддерживала нас так, чтобы разговор не затухал. И все же оставалась отстранена – незаметно, почти нечувствительно, кажется, привыкла вот так уходить в сторону во время любого разговора, словно сэкономила силы в слишком активной беседе. Мне, человеку, привыкшему работать не столько с цифрами, сколько с людьми, стоящими за ними, и потому считавшему себя неплохим знатоком и бумажного и человеческого, далеко не сразу стала заметна эта черта характера Талии; впрочем, в те дни я меньше всего задумывался над подобными вещами. С превеликим удовольствием я ловил мгновения веселья, счастливый тем, что принят в закрытый круг общения. То были минуты, имеющие легкий, едва ощутимый, – благодаря Маше, конечно, – аромат бесшабашной юности, подзабытый мной за дисплеем, за горами распечаток, за колонками цифр, вспоминаемый совсем нечасто, будто во снах.

Последний мой анекдот уже не произвел на Машу прежнего воздействия, ей, как ртути, требовалось что-то иное. Потому она пригласила меня, и Талию заодно, к моей соседке, в гости.

– Ты же не видел раньше, так сейчас хоть посмотришь. Для тебя это будет невосполнимое ощущение.

Провожая нас в квартиру – кот медленно пятился перед ней, не зная как себя вести, – она положила руку на талию своей подружки, жестом, давно уже привычным ей, но по-прежнему волнующим саму Алю – чтоб избежать каламбура, лучше называть ее так, как это делала Маша. Моя соседка как-то взволновалась от этого внешне невинного жеста, лицо ее, в это мгновение представшее передо мной, отобразило смену привычно отчужденных черт более мягкими и нежными. Я посмел предположить, что этот жест значит для нее больше, чем мне представляется.

Маша довела подругу до гостиной, посадила на диван. Рядом с ней сел я. Сама же Маша расположилась напротив, в кресле и, тут же спохватившись, вскочила и исчезла в кухне с намерением приготовить чаю.

Наступила нерешительная пауза, Талия смотрела прямо перед собой, я же искоса разглядывал хозяйку, в особенности отчего-то ее ладони, плотно сжатые меж коленей. Наконец, она повернулась ко мне – я едва успел отвести взгляд.

– Ты действительно не против? – спросила она. – А то Маша, как ты уже убедился...

Я стал отнекиваться, Талия откинулась на спинку дивана, подавая мне пример. Колени наши соприкоснулись, она поспешила вернуться на нейтральную территорию, чуть отодвинулась к валику. Совсем незаметно, и при этом вполоборота повернулась ко мне.

Из кухни появилась Маша, ее голова показалась в двери гостиной:

– С чем чай пить будем? Я конфеты нашла, только их немного. Аль, у тебя есть еще что, или ты (вопрос уже мне) обойдешься малым? – и тут же без паузы: – А квартира тебе как, ничего, а?

Я не успел ответить, как Маша исчезла.

– Если не секрет, где ты так хорошо устроилась?

Талия улыбнулась.

– Ты о квартире, да? Это скорее наследственное... Я работаю начальником отдела по связям с общественностью в одной фирме.

– Крупной фирме, – я обвел взглядом комнату.

– Крупной, – согласилась она. – Я на хорошем счету, вот и...

Фраза осталась неоконченной. Я задал еще несколько вопросов на ту же тему, словно компенсируя тот водопад, что обрушила на меня Маша; Талия отвечала спокойно, коротко, без обиняков и недомолвок, словно, считала обязанной оказаться в схожем положении расспрашиваемого. Она не стала скрывать размеров зарплаты, добавила о комиссионных, получаемых с каждой проведенной сделки, а в завершении призналась, сколько заплатили за квартиру родители, сделавшие подарок единственной дочери на двадцатипятилетие.

Она отвечала, прямодушно и бесхитростно, кажется, снова испытывая меня своими ответами. И наблюдала за едва уловимыми изменениями в чертах лица, в коих находили отражение мои мысли, сменявшие друг друга после каждого ее заключения. Отвечая мне, она, а вовсе не я, решала, что за человек сидит перед ней, что таится за отраженными на лице мыслями, какие силы производят эти подвиги. Талия выносила мне вердикт – я чувствовал, буквально кожей, как решается будущее наших отношений. Лишь раз она отвлеклась, услышав на кухне резкий стук, но снова приняла прежнюю позу и, так же исподволь, продолжила изучение своего соседа.

Почувствовав себя школьником на экзамене, я перестал спрашивать. Талия смотрела куда-то в пространство, молча, будто ожидая завершения паузы. Я уже начал раскаиваться, что задавал эти вопросы, и сам не понимал, зачем интересуюсь всем этим, – только в отместку за допрос, что устроила мне Маша, да за то изучающее молчание, которым удостоила меня Талия? Но ведь несколько минут назад, я радовался этому интересу.

На кухне что-то вновь громыхнуло, и в дверях появилась Маша. Лицо Талии немедленно оттаяло.

Оттаяло, неверное слово, просто изменилось, Талия придала ему полушутливую серьезность; почему, я понял это по прошествии секунды, когда заговорила Маша:

– Все готово. Аль, ты на меня не обижайся, но я грохнула блюдец у синей чашки. Такое с золотыми цветочками, – и тут же, торопливо, – Я все уже убрала.

– Криворучка, – чуть улыбнувшись, ответила Талия, смотря на подругу поверх моей головы. – Ладно, пойдем в кухню.

Эта фраза была адресована мне, хотя я не сразу это понял.

– Я все сюда принесу, – поспешила Маша. – Вернее, уже привезла.

И она вкатила сервировочный столик, заставленный посудой. Колеса стукнули о распахнутую дверь, чашки немедленно ополовинили содержимое. Новые извинения, воспринятые так же легко, после чего мы расселись вокруг столика.

Вернувшись от Талии, я долго не мог приняться за работу, мыслями оставаясь в квартире напротив; и сейчас ругал себя, что не остался еще, а ссылался на правила хорошего тона, в ответ на что получил понимающий взгляд хозяйки. Маша попыталась настаивать, наверное, и сама Талия не противилась, – но больше посматривала за моей реакцией. Может, еще из-за этого я покинул квартиру.

Маша проводила до дверей моей квартиры; входить она не стала, с порога ознакомилась с моей работой. «Чертовски романтично», – сказала она, сделала ручкой и скрылась. Оставшись у входа, я слышал, как хлопнула дверь. Я подумал еще, что Маша останется у нее, как должно быть делала не раз. Почему-то меня это укололо, не больно, едва ощутимо. Я и забыл об этом, почти нежном уколе, вернувшись к делам. Или, так и не в силах справиться со сборкой шкафа-купе, подумал, что забыл.

Достал мифологический словарь, нашел статью «Талия». Помимо варианта рассказанного Машей, так именовалась и одна из муз – покровительница комедии, изображавшаяся в виде легкомысленной юной девушки в венке из плюща и с бубном. Не очень, конечно, похоже на ту Талию, которую я знал. Третья сноска: одна из nereid, дочерей морского бога Нерея. Их изображали в виде прекрасных девушек в легких одеждах в неизменном окружении чудовищ бездны. Любительницы танцев, они всегда были благожелательно настроены к морякам, Гомер, упоминая о nereidaх, замечает, – именно они принесли доблестному Ахиллу чудесное оружие, выкованное богом огня Гефестом. ...

Я отложил словарь в сторону и долго размышлял, вспоминая слова Маши. Она выбрала, как вариант толкования, ссылку на одну из граций, номер два в моем словаре. Случайно или намеренно? Или, быть может, именно так ей объяснила происхождение своего имени сама Талия?

Интересно, насколько серьезна была она в тот момент, давая толкования. Или испытывала подругу – как недавно испытывала меня?

Собранный наполовину платяной шкаф остался лежать на полу.

С утра пораньше я ездил в филиал нашей конторы на другой конец города, в Печатники, спорил до хрипоты с управляющим, потом так же усердно мирился с ним – «все мы под одним боссом ходим», – сказал мне он, окончательно оттаяв. Уходя, позабыл на его столе ведомость. С середины пути вернулся. Домой приехал разбитый, еще по пути некстати вспомнил о шкафе.

Пока я возился с ключами, дверь напротив распахнулась, показалась Талия. Будто ожидая моего возвращения, улыбалась, искренне и благодушно, и улыбка эта живо напомнила мне о вчерашнем чаепитии.

– Ты сегодня поздно, – сказала она. – Начальство всегда так относится к подчиненным, или к тебе особенно придирчиво?

Повернув ключ в замке, я открыл дверь. Талия по-прежнему стояла на пороге, в тигренках-шлепанцах, словно не решаясь выйти.

– Неудачный день, – ответил я, на ощупь открывая замок.

– Жаль. Я хотела нанести ответный визит.

Отказаться я не мог. В этих смешных шлепанцах он выглядела куда как домашнее, женственнее что ли. Такой я не видел ее никогда прежде.

Впрочем, настоящую Талию знал всего день.

Я провел гостью в кухню, усадил у окна. Она долго любовалась открывшимся ей пейзажем: детской площадкой, обсаженной чахлыми деревцами, высаженными строителями по окончании работ, – большинству из них суждено погибнуть этой зимой, и потому вид этого

парка, получившего название «Мишулина гора» невольно трогал. Талия сказала мне об этом, вдоволь побыв в своем одиночестве, которому я не смел мешать.

– В этом городе ко всему притерпишься, – задумчиво сказала она. – Сожмешься душой и привыкнешь. А потом, если понадобится, еще раз сожмешься...

– Город давит, – сказала Талия после долгой паузы. И повторила: —Каждой улицей, каждым домом, каждым огоньком квартир... каждым человеком, душой своей давно принадлежащим ему.... Гораздо хуже, если человек знает об этом, и все равно принадлежит. Так нельзя. В прежние времена говорили: это грех. Сейчас не модно, слово «грех» просто смешно. Ведь так? – и не дав мне ответить, продолжила: – Казалось бы, так просто – не принадлежать никому, тем более, существу неодушевленному, хотя и могущественному, почти всесильному в сравнении с каждым из нас.... Жить по своему, и не чувствовать его цепей, не ощущать на себе их притягательной тяжести.

Она остановилась и посмотрела на меня. Потом медленно, с трудом подбирая слова, как это бывает в тяжелом разговоре, сказала:

– Извини. Это бывает у меня иногда.

Я искренне кивнул. И предложил поужинать вместе.

– Не надо. Наверное, лучше будет, если я закажу нам пиццу, не против?

Этим она освободила время для разговора, те полчаса, на которые, кажется, очень рассчитывала.

Некоторое время мы молчали. Талия хотела что-то сказать, но затем снова повернула голову к окну, снова оказавшись наедине. Кажется, ждала чего-то от меня, какого-то продолжения, нескольких слов. Наверное так следовало мне истолковать ее молчание.

– Ты права насчет города.... Знаешь, я хочу рассказать тебе об одном случае. Он произошел совсем недавно, и буквально... – я запнулся, не находя слов. Талия внимательно слушала.

За дверью послышались приглушенные шаги. Нет, для разносчика еще рановато.

– Февраль, если помнишь, выдался очень теплым. К двадцатым числам уже и снег сошел. Дороги просохли, некоторые оптимисты стали «переобувать» своих железных коней на летнюю резину.... Это все еще вступление к теме, не знаю, необходимо ли оно тебе...

– Лучше вспоминаешь, когда восстанавливаешь в памяти все обстоятельства. Я сама часто так делаю, – откликнулась Талия. Я кивнул и продолжил:

– Это случилось на Комсомольском проспекте; были у меня кое-какие дела в Хамовниках, увы, неудачные. Свою «шкоду» я оставил на другой стороне дороги, до нее можно добраться и через подземный переход, он недалеко, но глубокий, и по обычной «зебре», до которой идти чуть дальше. Я решил перебежать в неполюженном месте: машин мало, а посередине проспекта широкая разделительная полоса; спустя мгновения я добрался до нее. И еще один человек в черном пальто спешил следом, чтобы поспеть к приближающимся «рогам» троллейбуса, пошел наискось. Тут на проспект вывернула легковушка, наращивая скорость и перестраиваясь в левый ряд. Я находился на середине левой полосы, когда она вывернула. И пропустил ее. А он, тот мужчина, не стал ждать.

Талия вздрогнула.

– Я узнал о случившемся по истошному визгу тормозов. Быстро повернул голову и увидел... даже не знаю, как сказать. Мне показалось, что у остановившейся легковушки от резкого торможения слетела крышка капота: некая черная масса поднялась в воздух и тяжело ударилась об асфальт, распластавшись в метре от машины. Водитель тут же выскочил из автомобиля, подбежал и склонился над телом. Не зная, что предпринять, он поднял голову и беспомощно озирался вокруг. С троллейбусной остановки подошло несколько женщин; они так же встали подле тела, и шумно переговаривались.

Я стоял на разделительной полосе; стоял и смотрел на них. Ничего не чувствовал ни в момент удара, ни позже, когда видел бестолковое топтание толпы у тела. По прошествии

нескольких минут пяти кто-то достал мобильный и стал звонить в «ноль-два». К тому времени я уже сидел в «шкоду». И оттуда все оглядывался на собравшихся. Да я был взволнован, вернее, встревожен, но не самой аварией, а отсутствием в себе хоть какой-то реакции на нее. Я уже говорил, что не ощутил ничего. Более того, вид подброшенного тела, безжизненно распластавшегося на асфальте, показался эпизодом в некоем кино, тысячный раз демонстрируемым с экрана, кочующим из фильма в фильм. Кажется, в момент удара я пробормотал пошлейшее «ух ты» или что-то в таком духе. И только произнеся эту бессмыслицу, ужаснулся ей. Да и ужаснулся как-то вяло, словно по долгу службы.

Холодные пальцы накрыли мою ладонь. Талия ничего не говорила, она лишь пристально смотрела в глаза, и продолжала держать руку в своей. Держала долго, пока не затихли воспоминания и не улеглись в глубине памяти.

Спустя какое-то время – наши руки все еще сплетались – прозвенел звонок; прибыл разносчик пиццы. Получив от меня деньги и отказавшись от чаевых, паренек лет восемнадцати долго топтался на пороге, не спеша уйти к другим клиентам и во все глаза смотрел на появившуюся за моей спиной Талию. Бог его знает, почему.

Талия закрыла за ним дверь.

– Надеюсь, мой выбор тебе понравится, – сказала она, все еще держа руку на дверном замке. С тепло пахнущей коробкой я вошел в кухню, по-прежнему, Талия тенью следовала за мной.

За чаем мы говорили о каких-то пустяках. У меня вертелось на языке несколько вопросов, так или иначе касающихся Маши; но в тот они не прозвучали. Слово компаньонка Талии для нас, сидящих в моей кухне, стала запретной темой, и одно упоминание о девушке могло разрушить то непрочное, что неожиданно связало нас. Все время, проведенное за ужином, Талия посматривала украдкой на часы, они находились за моей спиной, и я невольно перехватывал каждый ее взгляд. Но уходить не спешила. Собралась в начале десятого, посреди вялой беседы пробормотав вполголоса «все, мне пора» столь резко, что я не посмел ее удерживать.

Проводив до двери, я все же не удержался – вечер был закончен – и спросил о Маше. Талия пожала плечами.

– Она дома, – просто ответила соседка, я не решился задать вертевшееся на языке, и Талия ушла в свою тайну.

Ночью мне снилась Маша, одна. Слово странный вечер и должен завершиться странным сном. Все началось с того, что из ниоткуда появившаяся в моей гостиной Маша потягивала шампанское из фужера и, обводя свободной рукой роскошно накрытый стол, рассказывала, сколь приятно вдыхать полной грудью свежий воздух Арктики, дувший из распахнутого настежь окна, ожидая, когда легкие наполнятся им, и напитается кровь. Тогда свершится невозможное и человек окажется способен оторваться от грешной земли и взлететь.

– Но это должен быть непременно воздух Арктики, – говорила она, покачивая ногою, отчего халатик ее сбился к бедру, и точеные Машины ножки предстали мне во всем их великолепии. – Никакой иной не способен наполнить человека мечтами о далеких краях, а без этого невозможно оторваться от земли, подняться в воздух и лететь, лететь, лететь...

Комната начала таять, Маша вскочила на ноги, и, распахнув руки, как крылья, или наоборот, я уже не мог понять, что именно вижу, воспарила к разверзшимся небесам, а через мгновение сияющей точной исчезла, затерялась в них. А следом за ней исчезло все.

Я проснулся. И сквозь дремоту пробуждения все еще слышал ее голос, призывавший меня оторваться от земли и лететь. «Невесомость притягивает, – где-то во мне продолжала говорить Маша. – Это так просто. Главное поверить. И тогда самое малое усилие – и душа не будет весить ничего, еще одно усилие, – и ты в небе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.